

Op 91
p 99

А. Ф. Рязанов

9(с)15(с)12
p99

На стыке борьбы за степь

Очерк по истории колонизации Новолинейного
района Оренбургского края
1835—1845 г.г.

Оттиск из „Трудов Оренбургского О-ва Государственного
Географического Общества“—выпуск 1-й 1928 года

РФС 28446

О Р Е Н Б У Р Г
(Типо-литография Госпромкомбината.)
1 9 2 8.

РРС 78446

~~9(42)7~~
~~Р39~~

А. Ф. Рязанов

Op 91
P 99

НА СТЫКЕ БОРЬБЫ ЗА СТЕПЬ.

(Очерк по истории колонизации Новолинейного района*).

1835—1845 г.

Г Л А В А I-я.

Старая Оренбургская линия на участке Орск-Троицк. Проект Перовского о перенесении линии в Киргизскую степь. Застройка новой линии в 1835—1838 г.

Оренбургская пограничная линия, основанная в 30-х годах XVIII столетия, проходившая по водным рубежам р.р. Урала, Уя и Тобола, имела своим назначением отделить казакские степи от Башкирии. Несмотря на некоторые выгоды географического расположения на водных рубежах, она имела свои недостатки политического и военного значения, особенно в верхней части, между городами Орском и Троицком, где на тесном стыке соприкасались Казакская орда и Башкирия.

Задавшись целью раз'единить между собой казаков и башкир, чтоб исключить всякую возможность их совместного выступления против России, царское правительство не чуждалось провокационной политики-взаимного натравливания и разжигания племенной вражды между этими народами. Особенно ярко эта политика процветала в половине XVIII в., когда и Башкирия и Казакская орда были сильны, а русское население в крае слабо, и русское господство им могло удержаться лишь при наличии обостренной национальной вражды между обоими народами, которая мешала им об'единиться в борьбе против политики царизма.

После известного разгрома башкир казаками в 1755 году вражда между ними просуществовала до начала XIX века: они нападали друг на друга, делая «перелазы» через р. Урал и прорываясь через тонкую линию пограничных крепостей, угоняя скот и похищая пленных.

Население русских станиц и крепостных гарнизонов, занимая узкую полосу линейных крепостей—Орской, Таналицкой, Ургазымской, Магнитной, Верхнеуральской, Карагайской, Уйской, Степной и Троицкой и промежуточных редутов и постов,—по своей малочисленности было не в состоянии сдержать этих набегов; на линии создавалось крайне напряженное состояние, которое причиняло большой ущерб прилинейному населению, отвлекая его от мирного труда. Тем не менее, несмотря на взаимную вражду казаков и башкир, их близкое соседство друг с другом всегда возбуждало тревогу правительства, т. к. оба народа в силу каких-нибудь причин могли соединиться для борьбы против России; не упуская этого из виду, правительство всегда было на стороже относительно этих народов и изыскивало средства, чтоб раз'единить их окончательно. Одним из этих средств явился

1938 г. ПРОВЕРЕНО
99597
9/11/84

Чкаловская
Оренбургского воен. губернатора
1834—43 г. № 73 о
перенесении некоторой части Оренб. линии в киргизскую степь.
Читальня № 10

*) Дело Канцелярии Оренбургского воен. губернатора 1834—43 г. № 73 о перенесении некоторой части Оренб. линии в киргизскую степь.

проект отнести оренбургскую границу далее на восток, в казакскую степь.

За перенесение линии говорили и чисто военно-стратегические соображения. Участок пограничной линии на протяжении Орск-Уйская-Троицк, имея начертание входящего угла, вершина которого находилась у крепости Уйской, — представлял собою ломанную линию и был удлинен, почему для охраны его требовалось больше войск, чем это было бы нужно при выпрямлении, т. е. сокращении границы. Но главным образом присоединение к внутреннему пространству нового района степи диктовалось его экономическим значением для Оренбургского края. На указанном участке к старой линии примыкал район степи, ограниченной с одной стороны р. р. Уралом и Уем, а с другой р. р. Тогузак, Аят и Суюндук. Хотя пространство это было мало исследовано, но уже тогда было известно, что оно изобилует лесами, плодородной землей, а по р. Суюндук были открыты богатые месторождения золота.

После устройства оренбургской линии в 30-х годах XVIII в. правительство, всецело занятое борьбой за укрепление своего владения в крае, не могло обратить достаточного внимания на исследование и разработку естественных богатств зауральной степи; все заботы его ограничивались главным образом развитием меновой торговли как в казакской степи, так и в Средней Азии; но в 30-х годах XIX столетия, когда уже было достигнуто значительное усиление русского влияния в степи, правительство, под давлением торгового и промышленного капитала, выходило на путь колонизационной политики и стремилось на Восток для прочного завоевания новых рынков и колонии как в казакской степи, так и в Средней Азии. Это общее направление политики николаевской эпохи в первую очередь должно было отразиться на судьбах Оренбургского края, который являлся исходной базой для дальнейшего наступления на Восток. Но прежде, чем предпринять политику дальних завоеваний, необходимо было прочнее укрепить ближайшие границы края и занять такие исходные пункты, которые исключали бы всякую возможность возникновения местных осложнений между национальностями, населявшими границы Оренбургского края.

В 1833 году на пост Оренбургского военного губернатора был назначен генерал-адъютант Перовский, наиболее яркий выразитель политики правительства или эпохи Николая I-го. Перовский в первую очередь занялся исправлением Оренбургской границы на указанном нами участке и вынес ее в казакскую степь на целых 100 верст, застроив „Новую линию“, имеющую протяжение по прямой между городами Орском и Троицком.

В январе 1834 г. Перовский представил управляющему Азиатским Комитетом М. И. Д. обширный доклад, в котором, указывая на невыгоды участка пограничной линии между крепостями Орской и Троицкой, он высказался за необходимость вынести границу на этом участке в казакскую степь.

В политической части своего доклада Перовский, считая казакские степи достоянием Российской империи, говорит, что вынося границу на восток и занимая часть казакской степи, правительство не совершает какого нибудь «акта завоевания или даже приобретения, а просто делает хозяйственное распоряжение, так как все пространство киргизских степей является достоянием русской империи, почему перенесение пограничной линии есть ничто иное, как переселение некоторой части населения на новые более удобные и свободные земли».

Однако, при таком упрощенном решении вопроса все-же было необходимо учесть, как отнесется к такому мероприятию население казакской степи, считавшее земли за Уралом своей неотъемлемой собственностью?

Вопрос этот мало смущал энергичного администратора; он успокоил правительство тем, что „все растройство, могущее для них (казаков) последовать, ограничится лишь оставлением привычных кочевых мест и **приисканием менее удобных**“.

По мнению Перовского, перенесение границы в казакскую степь сулило такие выгоды, ради которых не следовало особенно задумываться над принесением им в жертву интересов кочевников-казаков. Генерал Перовский смотрел на казаков, как на колониальный народ, экономическое значение которого для России заключалось прежде всего в поставке сырья и продуктов животноводства для русской промышленности. Исходя из этой точки зрения он в течение своей почти 20 летней службы в Оренбургском крае проводил в отношении казаков такую политику, которая препятствовала развитию у них оседлости и земледелия и искусственно задерживала их на степени кочевого пастушеского хозяйства. Всякие попытки казаков завести земледелие и оседлость он считал вредными, опасаясь, что если казаки будут иметь свой хлеб, то они перестанут выменивать его на скот у русского населения, чем подорвут меновую торговлю на границе!

В политическом отношении перенесением границы в казакскую степь, как мы уже сказали, по мнению Перовского, достигалось полное разобщение казаков и башкир на самом беспокойном участке, что «окончательно разрывало их вредные в политическом смысле связи».

В военно-стратегическом отношении достигалось сокращение пограничной линии больше чем на 100 в, что давало значительную экономию военных сил для ее охраны.

В экономическом отношении с занятием новой линии к внутренней территории пограничного пространства присоединялся обширный район до 10 тыс. кв. верст богатейшей и плодороднейшей земли, изобилующей лесами и месторождениями золота.

Оправдывая захват этого района у казаков, Перовский писал, что „пахатная земля для киргиз бесполезна; речки текут, так сказать, еще без цели и ожидают плотин, мельниц и других заведений промышленности; лес киргизы употребляют только зимой для согревания своих кибиток, а летом наносят—ему вред пожаром“*).

В силу этих соображений начальник края решил изгнать казаков из старых насиженных мест в степи, для приискания себе кочевок в новых, хотя и менее удобных местах. Изгнание казаков из района освобождало эти земли, весьма удобные для хлебопашества, для русского народонаселения, притока которого Перовский ожидал в этот богатый край.

„Если одна сотая доля пространства земли будет засеяна, писал Перовский,—то это не только обеспечит продовольствием линию, но значительные остатки могут быть промениваемы киргизам, которые, получая хлеб в близости их кочевки за выгодную цену, не будут иметь надобности прибегать самим к земледелию и оставят возникающее у них земледелие, могущее сделаться **столь вредным для меновой торговли**“*).

Начальника края беспокоила лишь одна мысль, что под влиянием захвата степи, казакский народ навсегда покинет русские гра-

*) Дело канцелярии Оренбургск. военного губернатора 1834 - 1843 г. № 73.

ницы и откочует к берегам Сыр-Дарьи. Но и в этом вопросе он утешался тем, что все места по Сыр-Дарье заняты другими племенами и поэтому уйти казакам собственно некуда; кроме того предвиделись некоторые осложнения местного характера, как это наблюдалось при занятии Ново-Илецкого района в 20-х годах XIX в.

„Первые годы, писал Перовский, предвидится несколько со стороны ордынцев набегов и несколько угнанного скота; с нашей — несколько выстрелов, что и теперь иногда случается, потом спокойное обладание земель, на кои нам указывает политика, государственная польза и частные виды“¹⁾.

В моральном отношении захват нового района и удаление от линии казаков Перовский считал ничем иным как „справедливым возмездием за непокорность русскому правительству, за неустройство в степи, воровство по линии и разграбление караванов“²⁾.

Что касается „частных видов“, о которых говорится в докладе Перовского, то под этими видами подразумевалась частная капиталистическая кампания предпринимателей, которую правительство, по проекту чиновника Карелина, было намерено привлечь для исследования и разработки рудных богатств в новом районе.

Для застройки и заселения новой линии требовались большие денежные средства, но Перовский предложил осуществить свой проект за счет местных средств, не затрагивая государственной казны. Все постройки по укреплению новой линии он предполагал произвести даровым трудом башкир; а для заселения вновь построенных крепостей перевести на линию четыре крепостных батальона, и часть казаков Оренбургского войска со старой линии.

Доклад Перовского был благосклонно принят в Петербурге; 13 августа 1834 г. министр финансов в своем письме к Перовскому, между прочим, писал: „богатство вновь присоединяемой территории в минеральном отношении **возбуждает частных промышленников** к подаче просьб об отыскании там золотоносных россыпей“. Интересуясь этим, министр запросил, какими сведениями располагает военный губернатор о богатствах края? К своему сожалению, Перовский не мог сообщить министру никаких данных по этому вопросу, так как по справке в архивах Оренбургского губернатора „никакого производства по сему предмету не нашлось“, а имеющиеся сведения о месторождениях золота в новом районе были далеко неполны.

3-го октября 1834 г. доклад Перовского был заслушан в Азиатском комитете М. И. Д., который соображения начальника Оренбургского края нашел во всех отношениях „полезными и правильными“.

22-го января проект о перенесении линии был одобрен комитетом министров и получил высочайшее утверждение.

Вместе с тем комитет министров утвердил особую инструкцию о перенесении пограничной линии в степь и о заселении ее на следующих основаниях:

- 1) „Поселяне новой линии должны быть вместе с тем ее защитниками, **почему она должна быть заселена исключительно казаками**“.
- 2) Застройка и заселение новой линии должны были производиться постепенно, а до ее окончания старая линия не должна уничтожаться. Кроме переселения сюда казаков, было признано необходимым поставить в новых крепостях гарнизоны пехоты с артиллерией.

^{1) 2)} Дело канцелярии Оренбургского военного губернатора 1834 — 1843 г. № 73.

3) Вся вновь занятая пограничная полоса должна была составить собственность Оренбургского войска, из которой казачьему населению следовало отвести наделы земли по 30 дес. на каждую душу населения. Земли, оставшиеся в излишке от наделов казаков, должны были составить фонд Оренбургской губернии и находиться в распоряжении Пограничной Комиссии.

Для извлечения доходов из этого земельного фонда было решено сдавать земли в аренду, сначала за невысокую цену и на незначительные сроки, а затем за более высокую цену и на более долгие сроки. Этой мерой правительство рассчитывало привлечь в район русских колонистов.

4. Если часть казаков, кочующих в новом районе, пожелали бы здесь остаться, то с них была установлена особая плата, которую должны вносить старшины, но вместе с тем оренбургскому губернатору было вменено в обязанность современем совершенно выселить казаков из района. На первоначальные расходы по застройке новой линии комитет министров отпустил 250.000 руб.

После утверждения проекта Перовский учредил особый Комитет под своим председательством, который должен был рассмотреть практические меры и средства по перенесению оренбургской линии. В состав этого комитета, между прочим, были включены известный писатель В. И. Даль, занимавший при Перовском должность чиновника особых поручений и известный войсковой атаман оренбургского войска И. В. Падуров.

На первом же заседании комитета был поднят вопрос о том, об'являть или не об'являть казакам (киргизам) о занятии нового района, т. к. комитет мог ожидать, что известие это вызовет волнение среди кочующих здесь казаков, которые будут мстить русскому населению.

После обсуждения этого вопроса было решено об'явить казакам, что „правительству наскучили беспрестанные шалости, воровство и своеволие злонамеренных родов,—с одной стороны,—жалобы и ссоры с другой; что правительство желает принять под свое покровительство преданных ему киргиз, разоряемых барантами и воровствами, для чего выдвигает новый ряд укреплений“.

Для ознакомления населения орды с мотивами, будто бы побудившими правительство перенести пограничную линию на новое место, было предложено председателю Пограничной Комиссии Генсу лично выехать в степь.

Вторым вопросом обсуждался порядок заселения новой линии. В комитете выдвигались два положения: заселить ли новую линию сначала временно, а потом уже постоянно, или заселение произвести сразу и самым основательным образом.

Комитет постановил, что занятие новой линии нужно сделать сразу основательно, чтобы „киргизы видели в этом решительное и неизменяемое действие“. Застройку линии было решено начать одновременно с обоих флангов, от г. Орска и Троицка.

По расчетам комитета вся новая линия простиралась на протяжении около 500 верст, на которой было намечено построить пять полевых укреплений большого типа, через каждые 80-100 верст. В промежутках между этими крепостями было намечены к постройке по три редута, а между редутами—летние пикеты; на возвышенностях должны быть построены ведеты, или наблюдательные посты. Все укрепления должны быть укреплены рвом и земляным валом; для жителей предполагалось построить дома и землянки.

Для постройки пяти укреплений были назначены следующие места:

- 1) Укрепление Императорское,—в 85 в. от г. Орска на р. Джанке.
- 2) Укрепление Наследницкое—в 82 в. от первого укрепления на р. Бирсуате.
- 3) Укрепление Константиновское—в 70 в. от второго, на той же речке Бирсуате.
- 4) Укрепление Николаевское при устье речки Карталы-Аят, при впадении ее в р. Большой Аят, в 100 в. от третьего укрепления.
- 5) Укрепление Михайловское на р. Тогузак, в 70 в. от четвертого укрепления.

Первое, второе и пятое укрепления решено было построить в течение 1835 г., а третье и четвертое—по мере возможности. В промежутках этих трех крепостей были намечены к постройке девять редутов и 12 пикетов

Для занятия крепостей были назначены гарнизоны, по одной сотне пехоты при одном орудии и 250 казаков и башкир в каждую крепость. Каждый редут должен быть занят 60 казаками и башкирами

Исходя из этого расчета, для занятия первых трех укреплений было назначено 300 солдат, 750 башкир и казаков и орудия; для занятия 9 редутов—54 казаков и башкир, а для 12 пикетов—360 казаков и башкир, всего 1950 человек.

Солдаты были назначены из крепостных линейных батальонов; из Оренбургского войска было назначено 550 казаков, одна сотня Уральских казаков и 1000 башкир.

Для окопных работ по возведению новых укреплений были назначены башкиры по 100 человек на каждое укрепление, по 50 человек на редут и по 20 на пикет, что составило рабочую команду в 1000 человек; кроме того от башкир было назначено 250 подвод, так что общий наряд от башкир равнялся 2250 человек

Башкиры, как и казаки, при выходе на службу были обязаны довольствоваться на собственный счет, если только командировка не превышала расстояние 100 верст. Поэтому начальник края, давая кантонным начальникам наряды для назначения башкир на службу и на работу, приказал с каждого из них взыскать деньгами по 20 рублей для закупки продовольствия из правительственных провиантских магазинов. Таким образом вся тяжесть застройки новой пограничной линии, главным образом, падала на башкир.

Для занятия и застройки новой линии в Орской крепости был сформирован отряд под командой обер-квартирмейстера Оренбургского отдельного корпуса полковника Жемчужникова, в составе 14 офицеров, 14 зауряд чиновников, 460 урядников и 1670 нижних чинов. В состав этого отряда вошли 228 оренбургских казаков, 299 уральских, 766 башкир, 546 мещеряков, а остальные—солдаты 4-го и 6-го линейного батальона при 2-х орудиях и 3-х мортирах Оренбургской гарнизонной бригады

2-го июля 1835 г. отряд Жемчужникова вышел из Орской крепости и приступил к устройству новой пограничной линии.

Между тем генерал Перовский, желая лично осмотреть новую линию, 5-го июня выехал в степь в сопровождении сотни уральских казаков и 50 башкир и проехал от г. Орска до г. Троицка по всем тем местам, где были намечены полевые укрепления. Поездка эта заняла целый месяц.

Из отчета Перовского об этой поездке видно, что в течение лета 1835 г. оба крыла новой линии были застроены и заняты войсками.

На правом крыле были закончены укрепления Наследницкое и Императорское, а на левой—Михайловское. По свидетельству Перовского, инженерные работы были сделаны лучше и надежнее, чем на старой линии и состояли из рва и земляного вала „надлежащей профили“.

Занятие новой линии не встретило скольконибудь значительных препятствий со стороны кочевников, которые продолжали спокойно оставаться как на внутренней, так и на внешней стороне новой границы. Только в некоторых местах они выжгли луга и степи, чтоб лишить кормов устраивающихся здесь новоселов.

По словам Перовского, ордынцы не предполагали, что со временем они будут изгнаны из этих мест, чем собственно и объяснялось их сравнительно спокойное отношение к колонизации степи.

„Я не считал нужным им объявлять об этом заблаговременно, пишет в своем докладе генерал Перовский,—ибо во всяком случае полагаю, что будет сообразнее с обстоятельствами занять полосу сию исподволь; иначе едвали было бы им возможно разместиться вдруг на урочище, где кочуют иные, большею частью враждебные племена и сверх того на местах, в сравнении с означенной полосой более или менее бесплодных, ибо занятое нами пространство есть лучшая часть целой степи. Некоторые земли вновь занятого участка можно причесть к богатейшим на всем государстве: земля, воды, леса, луга, словом все угодия, ожидают лишь трудолюбивой руки селянина. На лесах в особенности видна ничтожность и беззаботливость обладателей, которые, без всякого сомнения, уничтожили бы их совершенно, если бы продолжали еще несколько десятков лет истреблять их огнем и топором, как ныне. Огромный хвойный лес Джабык-Карагай, имеющий в длину более 50 в., до того пострадал от палов и поджогов, что надлежит вырубить его почти на половину чтоб очистить другую и дать ему возможность оправиться и возродиться“.*)

Чтоб привлечь на свою сторону казаков и успокоить их относительно надвигающейся русской колонизации, Перовский приглашал к себе родоначальников орды, раздавал им награды и похвальные листы. Так во время своей поездки он роздал следующие награды: старшине Таминского рода Бзау-Тинебаеву, султану Бабилию Метиеву, Джегалбайлинского рода бию Байсаре Шамуратову—по сабле, старшине того же рода Адилю Мучанову—серебрянную медаль на анненской ленте и т. д.

Несколько ранее Перовского совершил поездку в степь председатель Пограничной Комиссии Генс. На пути от р. Кумак к р. Тоболу, на урочище Чуралоч, Генс собрал съезд старшин и почетных родоначальников, кочующих здесь Джегалбайлинского и Шумекеевского родов и объявил им, что новая линия строится для уничтожения баранты и для защиты джегалбайлинцев против хищничества киччаков, аргын, дюрткаринцев, чиклинцев, табынцев и таминцев и что султаны правители со своими отрядами для этой же цели будут находиться в степи, один на р. Илеке, а другой—на р. Тоболе. При этом Генс уверял старшин, что народ по прежнему будет перепускаться за линию бесплатно, в доказательство чего роздал присутствующим старшинам 11 билетов на перепуск 824 кибиток на внутреннюю сторону новой линии.

По словам Генса у джегалбайлинцев, которые главным образом занимали ново-линейный район, „не было никакого негодования против заселения новой линии и упрочения русской власти в орде“.

*) Дело Канц. Воен. Губ. 1834—1843 г. № 73.

Лишь только представители рода Шекты ему заявили, что они протестуют против занятия степей русскими военными крепостями и в знак протеста откочуют к пределам Хивы и Бухары.

„Что-же касается джегалбайлинцев, замечает Генс, то их и пушками не отгонишь от соседства с Россией“.

Таким образом занятие новой линии со стороны кочующих на этих местах казакских родов не встретило никакого сопротивления, за исключением пассивного протеста рода Шекты, вообще непримимо настроенного по отношению России

С весны 1836 г. работы по укреплению линии продолжались. В 1837 г. в 3-х первоначально выстроенных укреплениях были закончены постройкой все казенные здания: казармы, амуничники, дома для офицеров и бани. Кроме того к этому времени в новой пограничной полосе было основано 23 казачьих станицы, в которых было выстроено 1140 обывательских домов и казармы для местных гарнизонов.

Первая линия станиц была построена на передней линии около редутов; вторая линия—в промежутках станиц первой линии, в шахматном порядке. Укрепления, редуты и пикеты были обнесены сплошным земляным валом со рвом, общее протяжение которого составляло 5542 погонных сажени. Все эти постройки велись под наблюдением инженерных офицеров и, благодаря даровому труду башкир, обошлись чрезвычайно дешево, в среднем по 42 коп. с погонной сажени вала и рва.

В общей сложности все работы по устройству новой линии, считая в том числе жилые постройки станиц, обошлись казне в 107864 руб. 32 коп. А так как на постройку линии было отпущено 250000 рублей, то Перовский приказал еще построить две каменные церкви.

Укрепив новую линию крепостями, редутами, пикетами и двумя рядами казачьих станиц, Перовский всетаки считал ее недостаточно обеспеченной от набегов кочевников. Он хотел укрепить линию так, чтоб ни одна партия казаков не могла проникнуть за ее черту. Эти соображения натолкнули Перовского на мысль построить вдоль всей новой границы „непрерывный земляной вал“, некоторое подобие великой китайской стены, которою в древние времена оседлые народы Китая защищались от диких набегов соседей—кочевников.

Остановившись на этой мысли, Перовский вошел с ходатайством к министру иностранных дел, испрашивая разрешения на осуществление этого сумасбродного проекта. Как ни странно, но министр иностранных дел одобрил проект Перовского. Весной 1837 г. Перовский уже приступил к постройке „непрерывного вала“, который был намерен возвести на протяжении всей пограничной линии от г. Орска до Троицка, длиною свыше 400 верст.

Для постройки „непрерывного вала“ были согнаты башкиры со своими подводами, и работа закипела. Вдоль границы началось сооружение вала со рвом. Толщина вала в основании была равна 9 футам, а на верху трем футам; высота вала—6 футов; глубина рва—6 футов, ширина рва по дну 1½ фута, а наверху 11 футов. Площадь профили вала вместе со рвом в разрезе равнялась 37 кв. футам. Крутости вала и рва были одеты дерном... Вот таким инженерным сооружением Перовский полагал удержать легкую киргизскую конницу от вторжения на внутреннюю линию, совершенно забывая, что через какойнибудь год любая корова могла беспрепятственно прео-

долеть это хитрое инженерное сооружение, а не только ловкие наездники казаки.

Постройка вала началась приблизительно в 20 в. от Орска, от редута № 2. В течение лета 1837 г. был сооружен вал длиною 18-ть верст 162 саж. Работа эта обошлась 5659 рублей. В следующем 1838 г. работа продолжалась и в течение лета вал был продолжен на 11862 пог. сажени; вместе с тем был исправлен и старый вал, полуразрушенный весенним таянием снегов. За два года работ было проведено 43 версты „непрерывного вала“, обошедшегося казне в 112,096 руб. на ассигнации.

Летом 1839 года генерал Перовский, поглощенный новым авантурным планом завоевания Хивы, охладел к постройке „непрерывного вала“. Работы на новой линии прекратились и уж больше не возобновлялись. „Непрерывному валу“ не суждено было оградить казачьи станицы от набегов кочевников. В 1842 г. Перовский оставил свою службу в Оренбургском крае, а новый начальник края генерал Обручев не нашел нужным продолжать это нелепое сооружение. Он вошел с ходатайством в Петербург об отмене проекта о постройке „непрерывного вала“.

„Главной мыслью и, можно сказать, единственной причиной, побудившей к такому предприятию, писал генерал Обручев, как из самого дела видно, была необходимость обеспечить безопасность новой линии от злонамеренных покушений со стороны обладавших прежде местами, отделенными ныне от степи новой линией, киргизов Кипчакского и Джегалбайлинского родов, из коих последние особенно известны были тогда своими буйствами, хищениями и непокорством. Но с заселением новой линии они, кочуя впереди и внутри оной, не обнаруживали никаких враждебных покушений, которые клонились бы к нанесению вреда и ущерба линейным жителям, что и побудило меня испросить через господина вице-канцлера разрешения ордынцам сим кочевать и устраивать постоянные зимовки внутри новой линии, не отесняя переселившихся туда казаков“.*)

Ходатайство Обручева было удовлетворено. Следы „непрерывного вала“, как говорят, еще до сих пор не стерты временем и являются памятником генерал-губернаторского самодурства.

Г Л А В А II-я.

Переселение на линию линейных батальонов. Упразднение внутренних казачьих кантонов и калмыцкого войска и переселение калмыков и казаков на новую линию. Обращение государственных крестьян в казаки. Крестьянские бунты.

Положением 1835 года о перенесении Оренбургской линии в степь предусматривалось, что „поселяне новой линии должны быть вместе с тем ее защитниками“.

Наиболее пригодным элементом для пограничных военных поселений того времени являлись казаки. Казачество представляло собой тип населения, сложившийся в вековой борьбе с кочевниками на границе. Казаки были воины-пахари, которые умели одной рукой вести в борозде свой плуг, не выпуская из другой заряженного

*) Дело Канцелярии Оренб. воен. губ. 1834--1843 г. № 73.

ружья. Правительству было выгодно заселить новый район казаками уже потому, что на это не требовалось никаких расходов из государственных средств. Таким образом, являясь даровой военной силой и оплотом государства на границе, казачество в то же время являлось единственно приспособленным земледельческим элементом для военной колонизации киргизской степи в условиях постоянной борьбы с кочевниками.

По проекту генерала Перовского было решено упразднить казачьи станицы внутренних кантонов, расположенные в тогдашних Уфимском и Бузулукском уездах, а население этих станиц перевести на новую линию. Но прежде, чем приступить к переселению казаков внутренних кантонов, Перовский в 1837 г. расформировал линейные пехотные батальоны, расположенные в крепостях Орской, Кизильской, Верхнеуральской и Троицкой и, перечислив солдат в казаки, выселил их с семьями на новую линию.

Из материалов по обследованию быта солдат—новоселов, на линии, произведенному войсковым атаманом Падуровым в 1838 г., видно, что они находились там в самом жалком и беспомощном состоянии. 419 солдатских семейств по переселении на новую линию оказались под открытым небом; у 373 семейств не имелось ни живого, ни мертвого инвентаря для домашних и полевых работ. Для поддержания существования этих новоселов правительство было вынуждено принять их на казенное содержание. Большинство солдатских семейств, будучи совершенно не приспособлены к новым условиям жизни, томилась без всякого дела, не желая устраиваться на новых местах и все еще надеясь что их возьмут обратно на службу в линейные полки.

Опыт с переселением солдат еще более убедил правительство в необходимости заселить новую линию казаками.

12 декабря 1840 г. было издано положение об Оренбургском казачьем войске, в силу которого весь ново-линейный район вошел в состав территории этого войска, а население его было обращено в казаки. Тем-же положением в состав территории войска были включены земли Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов, населенные государственными крестьянами, а сами крестьяне были поверстаны в казаки. Внутренние казачьи кантоны были упразднены, а населению станиц было предложено переселиться на новую линию.

По плану войскового начальства к переселению на новую линию было назначено следующее число мужских душ: из станицы Бакалинской—1573, Нагайбацкой—220, Табынской—690, Уфимской—391, Сорочинской—176, Тоцкой 70, Бузулукской—234, Ольшанской—460, Самарской—31 и Алексеевской—1.

Для переселения этих казаков были отведены районы от Верхнеуральской крепости до Константиновского укрепления и от Магнитной до укрепления Наследника. В первом районе для поселения казаков было нарезано 6 участков на 1030 душ, а во втором 7 участков на 1748 душ. Каждый участок, отведенный под поселение казакам, был обмежеван и снят на план, с показанием качества угодий, гор, лесов, речек, озер и проч.

Переселение казаков внутренних кантонов началось только в апреле 1842 г. и было окончено весной в 1843 г.

Первоначально летом 1842 г. на новые места были посланы рабочие команды для заготовки сена и строительных материалов для постройки жилищ, а также для распашки земли под весенние посевы. Рабочие команды имели при себе все нужное для работ и запасы продовольствия. Правительство не предполагало давать пере-

селенцам пособие. Однако некоторые семьи оказались настолько не состоятельными, что правительство было вынуждено придти им на помощь. Согласно постановления Управления Военным Министерством 3 июля 1842 г. 114 казачьим семействам было выдано пособие по 14 рублей 27 к. на семью, а всего 1628 р. 38 к. Этой суммой и ограничивалась субсидия правительства на переселение на линию 9 казачьих станиц.

Рабочие команды по прибытии на места расположились в соседстве с кочевниками, почему и должны были принять меры защиты от внезапных нападений. Для этой цели они расположились военными лагерями и работали вместе, выезжая в поле вооруженными партиями, под командой урядников. В каждом таком лагере часть людей оставалась в полной боевой готовности и несла сторожевую службу. В случае появления хипчников сторожевые посты зажигали сигнальные вехи, поставленные на высоких местах, и тем поднимали тревогу по всей линии.

Однако киргизы на первых порах не обнаружили враждебных действий и продолжали мирно кочевать невдалеке от устраивающихся новоселов. Лишь в некоторых местах они вытравивали своими стадами сенокосные места, чем сильно затруднили заготовку сена новоселам.

Тем не менее наряды на сторожевую службу настолько были обременительны для рабочих команд, что наказный атаман Оренбургского войска исхлопотал у начальника штаба отд. корпуса в прикрытие к ним особый отряд, в составе одного офицера, 2-х урядников и 195 нижних чинов, который был распределен между 13-ю населенными пунктами для несения сторожевых караулов.

Распоряжение правительства об упразднении станиц внутренних районов и о переселении их на линию, было встречено населением, как величайшее бедствие. Тщетно казаки этих станиц доказывали свое право на те земли, которые они занимали во внутренних кантонах, есылаясь на указы Петра I, „образователя колыбели нашей“. Правительство самыми крутыми мерами выселило их на новую линию. Еще до сих пор старожилы этих станиц, со слов своих родителей рассказывают, что некоторым семьям не позволили даже „вынуть из печки калачи“ и насильно выгнали из насиженных мест на далекую и дикую окраину.

Всего из станиц внутренних кантонов на новую линию было переселено 2776 мужских душ казаков, не считая их семейств.

Одновременно с упразднением станиц внутренних кантонов было упразднено Ставропольское калмыцкое войско, а калмыки переселены на новую линию.

Незначительная часть калмыков уже имелась в составе Оренбургского войска с начала его основания: они выбежали из калмыцкой орды в 1746 г. во время междоусобий и голода и вступили в состав Оренбургских казаков, обязавшись служить без жалования и провианта, взамен которых им было разрешено беспошлинно торговать и ловить рыбу.

В 1749 г. наместник калмыцкого ханства потребовал, чтобы беглецы были возвращены обратно в орду. Но последние, не пожелав возвращаться, приняли христианскую веру и остались в казаках.

В 1750 г. из Яицкого войска на оренбургскую линию прибыло еще 9 кибиток калмыков; в 1754 г. вместе с выходцами из киргизского плена в Оренбургском войске уже насчитывалось 59 кибиток калмыков.

В 1765 г., по недостатку в Ставропольском войске земель, в Оренбургское войско было переведено еще около 200 крещеных калмыков, которые, „по избытию в тогдашнее время в Оренбургском крае степи выгодных мест“, свободно кочевали с места на место, не будучи прикреплены к одному месту.

В 1836 г. в Оренбургском войске уже состояло калмыков: урядников 6, отставных 1; служащих казаков 147, отставных 42 и малолетков 231.

По генеральному размежеванию им было нарезано удобной земли 191,745 десятин, а неудобной 50,139 десятин. По примеру башкир, калмыки вели кочевую жизнь и не занимались земледелием. В 1835 г. они впервые произвели наймом общественные посевы хлеба, согласно распоряжения начальника края, и с этого времени стали постепенно развивать земледелие, но главным занятием своим все-таки продолжали считать скотоводство.

Ставропольское калмыцкое войско было образовано из калмыцкой орды в 1708 г. Оно состояло из крещеных калмыков, поселенных на правом берегу р. Волги, где для них была построена крепость Ставрополь. Калмыцкое войско находилось под управлением начальника Оренбургского края.

В 1745 г. калмыцкое войско насчитывало до 25,000 душ обо-его пола. Строевой состав его определялся в 8 рот. По распоряжению тогдашнего оренбургского губернатора Неплюева калмыки ежегодно стали назначаться на службу на оренбургскую линию в количестве 300 человек.

После знаменитого бегства калмыков в 1771 г., в Ставропольском войске осталось всего 14,000 душ обоего пола.

В 1796 г. в калмыцком войске было сформировано 11 рот, в которых числилось служилых отставных и малолетков калмыков всего 2,869 душ.

В 1803 г. калмыцкое войско было сведено в один тысячный полк. К моменту упразднения в 1842 г. войско делилось на 10 рот; каждая рота в свою очередь разделялась на улусы; всего в войске было 31 улус и поселение при городе Ставрополе.

Со времени Пугачевского восстания, когда многие калмыки пристали к Пугачеву и уже не вернулись в свои жилища, калмыцкое войско пришло в сильный упадок. Находясь на значительном расстоянии от центра главного управления, калмыки были предоставлены самим себе и под влиянием эксплуатации русского населения мало по малу утратили свои прежние привилегии, как, например, рыбную ловлю на Волге. Они вели кочевую жизнь и не приучались к земледелию. Бедность и некультурность этого народа, заброшенного на Волгу, и чрезвычайно антисанитарные привычки в домашнем быту порождали огромную смертность, вследствие которой общая численность населения в 1830 г. упала до 3,571 души обоего пола.

Калмыки жили зимой в домах, похожих на русские избы, которые у бедняков имели вид жалких лачуг, состоящих из квадратных деревянных срубов или плетня, обмазанного глиною. У большинства населения не имелось хлеба и оно питалось крутом и небольшим количеством муки.*).

Проект об упразднении Ставропольского войска держался в строжайшей тайне даже от самого командующего этим войском пол-

* Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска т. X стр. 67, 227, 320.

ковника Золотарева. Но тем не менее калмыки из каких то источников были осведомлены о предстоящих переменах.

В донесении от 13 июля 1842 г. на имя оренбургского военного губернатора полковник Золотарев между прочим пишет, что калмыки уже давно ожидают перемены своей участи и остаются в заблуждении и нерешительности в рассуждении хозяйственных своих распоряжений. Чтоб вывести народ, питающийся партикулярными слухами, из заблуждения, Золотарев просил разъяснить калмыкам о цели предстоящего переселения.

Однако генерал Обручев приказал по прежнему держать вопрос этот в секрете, т. к. в противном случае опасался, что калмыки будут домогаться пособия от правительства, что было крайне нежелательно, так как правительство рассчитывало, что они переселятся на собственный счет.

В инструкции о переселении калмыков предусматривалась некоторая помощь калмыцким семьям, которые были не в состоянии приобрести перевозочных средств за свой счет.

Переселение калмыков, как и казаков было рассчитано на две очереди. В первую очередь летом 1842 г. были отправлены рабочие команды с лошадьми, земледельческими орудиями и инструментами для постройки жилищ. Они должны были произвести распашку земли на новых местах и сделать посевы хлеба.

Ставропольской войсковой канцелярии было предписано закупить для переселенцев необходимое количество плугов, борон, кос, серпов, топоров, пил и семян для посева в Ставрополе, Самаре и Симбирске. Для каждой семьи было назначено к посеву: пшеницы 5 пуд., ярицы 4 пуда, ячменя 2 п. 20 ф., гороху 30 фунтов, проса 20 фунтов, а всего 13 пудов. Семена были закуплены за счет казны и розданы переселенцам под наблюдением урядников и офицеров.

Для постройки домов на каждое семейство было отпущено от 50 до 70 корней строевого леса. По плану предполагалось построить для переселенцев 777 домов, для чего были вызваны плотники и пильщики из Оренбургской, Симбирской и Нижегородской губернии.

Первая партия калмыков проследовала через город Оренбург 24 апреля 1843 г. Здесь осмотрел ее сам генерал Обручев, после чего калмыки были отправлены через г. Орск на новые места; а через месяц проследовала и вторая партия.

Калмыки-переселенцы были расселены в 32-х поселках, которым было присвоено название номеров с № 1 по № 32-й. Они были вкраплены среди русского населения по несколько десятков семей. Разрозненные между собой и лишённые взаимной поддержки калмыки очень тяжело приспособлялись к новым условиям оседлой жизни. Оставаясь замкнутыми, они избегали всяких сношений с русскими и, несмотря на недостаток своих женщин, избегали вступать в брак с русскими и нагайбацкими женщинами, строго соблюдая обычаи своих предков. Будучи насильственно обращены в христианство, калмыки втайне сохранили свой древний религиозный культ, оставаясь ламаитами-буддистами. Вынужденные исполнять христианские обряды, они крестили своих детей, венчались, отпевали умерших в церкви, а втайне поклонялись своим кумирам-бурханам. Непривычка к тяжелому физическому труду оседлой жизни, плохая пища, в том числе дохлая скотина, дурно содержимые жилища и крайняя неопрятность являлись причиной того, что калмыки после переселения на новые места не только не дали контингента колонизаторов края, способных воспользоваться богатыми дарами природы,

но были обречены на вымирание. В 1843 г. калмыков насчитывалось 2358 душ обоего пола, а в 1883 г., т. е. через 40 лет, число душ сократилось на половину и оставалось в наличности лишь 1204 души обоего пола.

Если переселение на новую линию линейных солдат, казаков внутренних кантонов и калмыков Ставропольского войска не вызвало никаких осложнений, так как население это было организовано и дисциплинировано по военному, то вопрос о переселении на новую линию государственных крестьян, обращенных в казаки, прошел не совсем гладко и кое-где вызвал крестьянские бунты.

Государственные крестьяне Троицкого уезда волостей Кундровинской, Верхне и Нижне Увельской в числе 8750 мужских душ не пожелали перечислиться в войсковое сословие.

Начальник Оренбургского края генерал Перовский усмотрел в поступке крестьян опасный прецедент и вошел с ходатайством перед департаментом военных поселений о том, чтобы было издано особое постановление, в силу которого крестьян, нежелавших перечислиться в казаки, выселить из пределов Оренбургского войска.

Департамент военных поселений, согласившись с доводами Перовского, командировал на места двух своих чиновников Дорогина и Ожаровского, поручив им убедить крестьян перечислиться в казаки, а в противном случае выселить их в Бузулукский уезд.

Дорогин и Ожаровский арестовали несколько крестьян „зачинщиков бунта“, а одного из них Путилева отправили в тюремный замок, и привлекли священника Кречетова к ответственности „за ложные внушения крестьянам“. Кречетов будто бы разъяснял населению, что перечисление в казаки происходит „не от каких либо уважительных причин, а единственно от кривого толкования высочайшего повеления“

Между тем крестьяне подали ряд жалоб командиру полка, наказному атаману, военному губернатору, министру государственных имуществ, шефу жандармов графу Бенкендорфу и, наконец, самому царю, жалуясь на неправильные действия начальства по зачислению их в казачье сословие.

По жалобам крестьян началось следствие, в результате которого пострадали лица, подписавшие „неосновательные жалобы“. Так крестьянин Челябинской станицы Яков Сухологов, Долгодеревянской волости Иван Воронин и Иван Дорохов в наказание за подачу жалоб на высочайшее имя были первыми переведены с семьями в укрепление Наследника

Скоро волнения крестьян из Троицкого и Челябинского уезда перекинулось на противоположный конец Оренбургского войска в нынешнюю Павловскую, Городищенскую и Донецкую станицы, где крестьяне решительно отказались перечислиться в казаки.

В эти станицы был послан карательный отряд из 120 казаков под командой полковника Тимлера, но крестьяне не пустили их к себе на квартиру.

Крестьянин Иван Воронин говорил своим односельчанам „если бы на зачисление крестьян в казаки была царева воля, то был бы прочитан указ с барабанным боем, а раз указ был прочитан без барабанного боя, то он ложный“.

Командир казачьего отряда полковник Тимлер потребовал себе в помощь еще 120 человек казаков. В Станицу Городищенскую прибыл сам наказный атаман граф Цукат. Собрав новых станичников

на сход, он „увещанием склонил их к повиновению“, наказав плетьюми 13 человек.

В станице Павловской только 4 семейства крестьян добровольно согласились вступить в казаки, а 920 человек были „склонены“ к этому «увещанием после того, как полковник Тимлер явился в станицу со своими казаками.

Чтоб положить конец крестьянским надеждам остаться в крестьянстве, 4 мая 1843 г. был издан высочайший указ, согласно которого все казенные крестьяне прилинейных уездов Оренбургского, Челябинского и Троицкого без всякого из'ятия были зачислены в казаки. Для приведения к присяге новых казаков был командирован на места флигель-ад'ютант Николая I полковник Туманский.

По крестьянским селам, обращенным в казачьи станицы, были посланы сотни казаков «в полной парадной форме». Командирам полков было приказано при особой торжественной обстановке объяснить смысл высочайшего указа населению. В некоторые волости отрядам казаков была придана артиллерия, чтоб внушить крестьянам больше уважения к этому параду.

Однако миссия полковника Туманского не ознаменовалась успехом. В Троицком уезде только 1850 крестьян согласились перечислиться в казаки, а 5720, оставив свои дома, ушли в Бузулукский уезд. В Кундравинской волости 525 крестьян перечислились в казаки, а 1944 крестьян—семьями собрались к переселению в Бузулукский уезд. При этом надо заметить, что крестьяне эти составляли самое зажиточное население в крае и разорение их не соответствовало видам правительства.

Для «увещания» непокорных крестьян были высланы войска. В станицу Кундравинскую явился сам флигель-ад'ютант Туманский в сопровождении командира полка и 4-х сотен Оренбургских казаков, в полной парадной форме, при 2-х конных орудиях. Вступив в станицу, Туманский после торжественного молебствия об'явил указ о зачислении крестьян в казаки. При виде войск, занявших село, крестьяне из'явили полную готовность повиноваться повелению царя и приняли присягу на службу в казачестве. После этого всем крестьянам распродавшим свое имущество, дома и хлеб на корню, все было возвращено.

Но не так благополучно проходило оказание крестьян в Оренбургском уезде, где крестьяне встретили указ правительства открытым бунтом.

Первыми забунтовали волости Городищенка, Николка, Дедуровка и Павловка, зачисленные в первый полковой округ. В этих волостях зачислению в казаки подлежало следующее количество душ: в Городищенской 1075, в Николке 1057, в Дедуровке 496, в Павловке 1382, а всего 4010 душ крестьян.

Часть взбунтовавшихся крестьян, в числе около 1000 человек, собрались в станице Никольской, куда по личному приказу военного губернатора 10 июня 1843 г. выехал наказный атаман Оренбургского войска граф Цукато.

По прибытии в Никольскую граф Цукато нашел 3 сотни казаков с 2-мя конными орудиями, прибывшими по приказанию командира 1-го полка

Построив казаков в боевой порядок, граф Цукато вышел к толпе крестьян и в течение двух часов убеждал их подчиниться высочайшему повелению. Крестьяне решительно отвечали, что готовы положить свои головы, но в казаках служить не будут.

Вскоре в станицу прибыла пехота. Получив подкрепление, граф Цукато возобновил свои «убеждения», но крестьяне оставались непреклонными. Тогда он двинул против толпы 3 сотни казаков, приказав им действовать «тупыми концами пик».

Под натиском казаков крестьяне, вооруженные кольями и чем ни попало, отступили к кладбищу и здесь приготовились к обороне. Казаки три раза повторили свои атаки против толпы и захватили 170 человек пленных. Толпа стала отступать от станицы. Цукато выехал еще раз к восставшим и приказал им сдаться, в противном случае угрожал действовать картечью, но крестьяне и на этот раз оставались непреклонными и продолжали упорствовать.

После этого граф Цукато, «находя неуместным действовать огнестрельным оружием» прекратил военные действия против толпы, полагая, что наступающая ночь заставит крестьян разойтись по своим селам. На всякий случай он просил губернатора выслать в его распоряжение Уфимский казачий полк в полном составе, чтоб «учинить над виновными примерное наказание».

Из опроса «пленных» граф Цукато выяснил, что крестьяне бунтуют потому, что среди них распространяется слух, будто флигель-адъютант государя прибыл объявить крестьянам, что от их воли зависит переходить или не переходить в казаки, а местное начальство старается перевести их в казаки насильно.

Чтобы разубедить крестьян, граф Цукато выбрал из пленных 6 стариков и отправил их в Оренбург к полковнику Туманскому, чтоб они лично убедились в ложных слухах.

На другой же день в станицу Никольскую прибыл сам военный губернатор с флигель-адъютантом Туманским в сопровождении Уфимского казачьего полка. Крестьяне смирились. 8 человек зачинщиков тут же были прогнаты сквозь строй.

Подобное же возмущение произошло в станице Краснохолмской, где крестьяне были усмирены командиром 2-го полка Роопом, который наказал зачинщиков казачьими плетями, палками и розгами.

По окончании экзекуции высочайшее повеление было проведено в жизнь, о чем губернатор донес военному министру. Последний отвечал, что он «с удовольствием усмотрел, что, наконец, крестьяне сами убедились, что высочайшая воля клонится к их собственной пользе и благу» *).

Новообращенные казаки остались на своих местах, без переселения на новую линию, чтоб не вызвать среди них новых волнений. К 1844 г. заселение ново-линейного района было закончено. За исключением солдат линейных батальонов, калмыков и казаков упраздненных внутри картонов, на новую линию были переведены 2877 нагайбаков с семьями из станиц Бакалинской и Нагайбацкой, и, кроме того, 7109 душ белопахатных солдат и малолетков из Бузулукского уезда. В общей массе на новую линию было переселено 12155 мужских душ, которые были размещены в 32-х станицах.

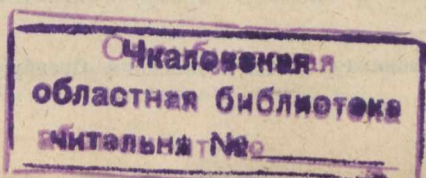
*) Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска т. X. стр. 328.

В Е Д О М О С Т Ь

О СОСТОЯНИИ НОВОЙ ЛИНИИ К 1-му января 1839 г.

№№ дистанц	Название станиц.	Год основ.	Число жи- телей муж- ского пола.	Число домов.		Зем- лян.	Примечание
				Отстро- енных.	Неот- строен.		
Первая дистанц.	1. Укрепление Императ. . .	1835	109	45	27	3	
	2 Ст. Кумацкая	1837	26	6	11	3	Всего без домов было 6 419 человек и без лошадей 373 чел.
	3 " Ново-Озерная	1836	62	21	17	3	
	4 " Петровская	1837	37	—	24	6	
	5 " Елизаветинская	1836	49	26	13	—	
2-я дист.	1. Укреплен Наследника . .	1835	173	49	42	—	
	2 Ст. Маринская	1836	51	26	16	—	
	3. " Атаманская	1836	47	25	17	2	
	4. " Павловская	1837	59	—	43	1	
	5. " Андреевская	1837	55	3	39	1	
	6. " Екатерининская	1836	70	26	24	—	
3-я дист.	1. Укреп. Констангиновск..	1836	122	29	61	—	
	2. Ст. Анинская	1837	47	—	30	—	
	3. " Георгиевская	1837	53	—	23	5	
	4. " Ольгинская	1837	41	2	27	2	
	5 " Княжинская	1836	72	12	33	1	
4-я дист.	1. Укреплен. Никольское . .	1836	148	50	41	9	
	2. Ст. Еленинская	1836	80	14	34	6	
	3. " Владимирская	1837	50	5	19	1	
	4. " Александровская	1837	51	—	20	3	
	5. " Софийская	1837	34	—	5	12	
5-я дист.	1. Укреп. Михайловское . . .	1835	151	62	40	3	
	2. Ст. Натальинская	1837	29	2	19	1	
	3. " Алексеевская	1837	78	2	51	15	
	4. " Кириковская	1837	36	1	19	9	
	5. " Надеждинская	1836	66	13	27	22	
	6. " Веринская	1836	69	11	29	12	
	7. " Варваринская	1836	64	12	34	5	
ИТОГО к 1 января 1839 года		—	1929	442	785	125	

(Материалы по Историко-Статист. опис. Оренбургск. каз. войска
выпуск X стр. 54—55).

Служба прилинейного казачества. Комендантский режим. Положение 1840 года. Быт новоселов новой линии.

Заселением нового пограничного района, действительно, была достигнута значительная экономия в вооруженных силах, необходимых для охраны границы. По сведениям Войскового Правления Оренбургского казачьего войска численность иррегулярных войск, т. е. казаков и башкир, охранявших старую пограничную линию от границы Уральского войска до крепости Зверниголовской, колебалась между следующими цифрами: с 1825 г. по 1830 г. летом—от 9610 до 9919, а зимой—от 1116 до 1491 человек; с 1831 по 1835 г. летом—с 8875 до 11910, а зимой—892 до 1248 чел. Сверх того, в городе Оренбурге на постоянной службе находился тысячный Оренбургский казачий полк, служивший резервом для войск пограничной линии.

Регулярных войск с 1825 по 1830 г. на линии находилось 4 батальона, которые были расположены в крепостях: Орской, Кизильской, Верхне-Уральской, Троицкой и Зверниголовской, общая численность которых простиралась от 8057 до 9402 человек.

В период с 1830 по 1835 г. на линии было уже сформировано 11 линейных пехотных батальонов, штатный состав которых исчислялся в 11.347 штыков; кроме того, в состав линейных войск входила 14 Оренбургская гарнизонная артиллерийская бригада в составе 1336 человек и 1-й и 2-й казачьи Тептярские полки *).

Таким образом на охрану Оренбургской линии, на протяжении 1180 верст, до основания новой линии употреблялось ежегодно свыше 13000 иррегулярных войск (казаков и башкир) и от 14 до 15 тыс пехоты и артиллерии. На каждую версту границы приходилось от 9 до 12 человек конницы и приблизительно столько же пехоты.

После устройства и заселения новой линии в 1835—1838 г. общее протяжение границ сократилось всего на 100 верст, между тем как наряд иррегулярных войск на охрану пограничной линии, по данным того же Войскового Правления, сократился более чем на половину.

Так с 1842 г. по 1849 г. наряд иррегулярных войск на линию колебался: летом от 4231 до 5967 чел., а зимой—от 932 до 1331 чел.; линейные же батальоны, как нам уже известно, были упразднены. Правда, внутри Ново-линейного района были сформированы для усиления кордонной стражи особые резервы, которые собирались только в течение лета, когда прикочевывавшая к границе казакская орда становилась наиболее активной. В 1844 г. были собраны резервы силою до 600 человек конницы, в 1847 г. до 900 человек и в 1848 г. около 500 человек. Резервы эти формировались за счет Оренбургского и Башкирского казачьих войск и располагались в новом районе.

Экономия вооруженных сил по охране пограничной линии была достигнута исключительно за счет новых поселений Оренбургского казачьего войска и главным образом за счет станиц ново-линейного района.

Поселившись в новом районе русские казаки, крестьяне, калмыки и нагайбаки были поставлены лицом к лицу с кочевниками; на этот раз они не были прикрыты никакими естественными пограничными рубежами, и оказались окруженные ими со всех сторон,

*) Материалы историко-статистич. описания Оренбургского казачьего войска выпуск II стр. 28.

Казак-киргизы осенью свободно перекочевывали через линию из Тургайских степей во внутренний район и располагались здесь на зиму, а весной уходили обратно в Тургайские степи. Каждую весну, когда к границе прикочевывали огромные массы казаков из „дальних степей“, служба войск, охранявших границу, становилась особенно тяжелой. Эта тяжесть пограничной службы в первые два года существования новой линии в 1836-38 г. г. главным образом падала на новоселов. На протяжении 500 верст по новой линии тогда насчитывалось не более 2000 душ населения, т. е. по 4 человека на 1 версту. Казаки в течение лета несли самую напряженную службу, которая поголовно падала на все население казачьих станиц, включая сюда не только взрослых мужчин, но стариков, женщин и подростков-детей.

„Не войско, а только народ, говорит по этому поводу бытописатель Оренбургского войска Н. К. Бухарин,—рядом поколений мог отстоять и заселить линию; народ в своем целостном представлении, т. е. мужчины и женщины, как представители энергии и труда, „В то время, как мужчины стерегли и защищали линию, женщины устроили хозяйство, сами втягивались в сторожевую и боевую обстановку; пешком, с оружием в руках они ездили на пашню, возили на „бекеты“ (пикеты) продовольствие мужьям. 10-летние подростки помогали родителям и смотрели на совершающееся перед их глазами, как на дело обыкновенное, обыденное и не представляли, что могло быть иначе.

„Так выростали поколение за поколением. Общая доля сродняла и скрепляла всех, невзгоды одинаково падали на всех; бедствия отражались не на отдельных личностях, а на всех членах семьи, рода, целого общества, как, например, разгром целых станиц киргизами, угоны общественных табунгов, захват в плен целых семейств.

„Это хозяйственно-бытовая жизнь с ее укладом и местными особенностями и выработала из населения местное казачество и сделала из него устой, который не в силах была сдвинуть с места ни стихийно-метущаяся сила кочевников, ни своевольство местных комендантов“ *).

В своем заключении Н. К. Бухарин отличает как-бы две враждебные силы, с которыми пришлось выдержать борьбу линейному казачеству. С одной стороны это была „стихийно-метущаяся сила кочевников“, а с другой стороны—„своевольство местных комендантов“.

Чтобы до некоторой степени охарактеризовать быт линейного казачества, обратимся к истории его развития и отметим ту роль, которую сыграло в этом „своевольство местных комендантов“.

Оренбургское войско с первых лет своего возникновения в 40-х г. г. XVIII века представляло собой ряд военных поселений из казачьих станиц, разбросанных по крепостям Оренбургской, Уфимской и Исетской провинции Оренбургского края, которые не были объединены единством войсковой территории, а были вкраплены среди туземного и пришлого русского населения края.

В 1753 г. все казаки, населявшие Оренбургский край были подчинены одному Войсковому Атаману, который в свою очередь был подчинен Оренбургскому губернатору. При этом казачьи станицы, расположенные внутри Уфимской и Исетской провинций, сохранили свое старое казачье самоуправление и свой быт, между тем

*) Оренбургское Губарх. Бюро. Из ненаданной рукописи Севастьянова: „Комендантский режим в истории оренбургского казачества“.

как казаки, поселенные на Оренбургской пограничной линии при крепостях, хотя и составляли казачьи станицы, но как в военном так и в бытовом отношении были подчинены крепостным или „градским“ комендантам.

Мало по малу, под гнетом комендантского режима, казаки не только потеряли свое самоуправление, но попали буквально в крепостную кабалу. Еще во времена первого Оренбургского губернатора Неплюева, положившего начало Оренбургскому войску, первый Войсковой Атаман Могутов доносил губернатору, что крепостные коменданты чрезвычайно злоупотребляют своей военной властью в отношении линейного казачества, что они стали назначать казачье население, как крепостных крестьян, на казенные работы: для рытья крепостных рвов, сооружений вала, на подвозку леса и др. работы, а также и для своих личных услуг.

На одном из этих донесений атамана Могутова устроитель Оренбургского края, как бы расписавшись в собственном безсилии, 14 января 1756 г. положил следующую резолюцию: „сего и понять невозможно“.

Резолюция эта характерна в том отношении, что, несмотря на свою удивительную энергию и зоркий административный глаз, даже Неплюев не мог устранить вопиющих злоупотреблений тогдашней администрации в отношении казаков. Дальше казакам стало хуже.

На основании указа Военной Коллегии от 4 ноября 1798 г. срок службы казаков ограничен не был: они были обязаны служить бессрочно до глубокой старости. Выход из казачьего сословия рядовому казачеству был воспрещен. Только совершенно физическая дряхлость, глухота, слепота и, наконец, сама смерть могли избавить казака от военной службы.

Военная служба для казачества отягощалась тем, что оно обязано было служить „на своем коште“. Казак должен был иметь 2-х собственных строевых лошадей, с полным снаряжением и вооружением. Каждый начальник, т. е. комендант, имел право потребовать от него в любую минуту исправного выхода на службу за собственный счет.

„К казакам пред'являлись одни только требования,—быть во всей исправности и немедленно исполнить требование начальства, не входя в рассуждения, пише по этому поводу Севастьянов.—Были ли у казака средства для исполнения этих требований, об этом никто не думал“.

Требования комендантов, пред'являемые к казачеству, находили полную поддержку со стороны начальников Оренбургского края. Оренбургский военный губернатор барон Игельстром в 1786 г., по поводу службы казаков за собственный счет, писал следующее: „Казаки должны все сие снести, ибо они никаким податям, ниже дачею рекрут не обложены“.

За неисправный выход на службу он приказал назначать казаков „в солдатские полки, а негодных к службе обращать в погонщики“. *)

Пользуясь военной властью, коменданты крепостей простирали свое право не только на служащих казаков, но и на их семьи и буквально на все население станиц, стремясь урегулировать не только службу, но и домашний быт казачества и подвести его под казар-

*) Ордер от 26 мая 1786 г.

менный режим. Некоторые коменданты требовали, чтоб по пробитии утренней зари все казачье население выходило на казенные работы и, конечно, бесплатно.

В этом отношении семьи солдат линейных батальонов находились в привилегированном положении: во первых, освобождались от казенных работ, а во вторых, — получали от казны продовольственный паек, в котором было отказано семьям служащих казаков.

Кроме того коменданты чинили казакам всевозможные притеснения: запрещали отлучаться из станиц на отхожие промыслы, на охоту, на рыболовство и полевые работы.

Некоторые атаманы станиц пробовали отстаивать автономию казачества, хотя бы в области чисто хозяйственных вопросов станицы, но эти попытки не увенчались успехом. Так, например, в 1804 г. атаман Верхне-Озерной станицы Лошкомойня стал увольнять казаков на полевые работы, не испрашивая на это разрешения коменданта. По жалобе коменданта крепости капитана Крюкова военный губернатор князь Волконский 14 июня 1804 года издал приказ, согласно которого атаманы станиц „в целях устройства порядка и спокойствия“ были непосредственно подчинены комендантам, которым было вменено в обязанность следить за каждым шагом казаков, что они и выполняли „с приоттенным усердием“. *)

Небезинтересно отметить, что в первой четверти XIX столетия коменданты Оренбургских крепостей назначались по преимуществу из офицеров, носящих немецкие и польские фамилии, список которых мы здесь приводим: в Верхне-Озерной крепости комендантом был Карик-Фок, в Кизильской — фон-Пиппер, Троицкой — Киристен, Ильинской — Венек, Рассыпной — фон-Брандт, Озерной — Отто-де-Маринг, Красногорской — Доляровский, Магнитной — Мистрем, Татищевой — Дударь.

Явление это далеко не случайное; назначение комендантов из немцев несомненно обуславливалось политическими мотивами, вытекающими из недоверия правительства к казачеству. Это недоверие было порождено Пугачевским восстанием, во время которого Оренбургские казаки, как их яицкие и исетские собратья, в массе перешли на сторону Пугачева.

Воспитанные на методах гатчинской муштровки, которая во время Павла I-го в русской армии являлась продолжением школы Фридриха Великого, линейные коменданты, „солдатское начальство“, как их звали, казаки, старались насадить в станице регулярство и казарменную муштровку, которые потом продолжали культивироваться в военных поселениях графа Аракчеева при Александре I-м и во все царствование Николая I. Требования казарменной муштры в условиях казачьего быта являлись нестерпимым гнетом для казачества, переходящим в жуткую драму для населения станиц.

„Драма, разыгравшаяся на линии, пишет по этому поводу Бухарин, — становилась все ужасней. Начальство (солдатское), вследствие приказанья свыше, поступало с ними (с казаками) не только по службе, но и в их домашнем быту, как со ссыльно-каторжными. Разделив их на десятки, приставляли пришлого солдата — капрала смотреть за каждым 6—7 домами. Ни квашни замесить, ни арбуза снять самовольно не смей!

*) Дело Войскового Правления по описи 1735—1780 № 63.

„Бабы были в полном подчинении у капралов, прислуживали им и качали их, как в зыбке. Порка была за всякую малость по жалобе капрала. Самые обидные эпитеты давались казакам незаслуженно: „варнаки“, „емельяночи“, „пугачевцы“, „бунтари“... А начальство из поляков, которых в батальонах было не мало, прибавляли к этому: „быдло“, „пся кровь“ и т. д.

„Эти полячки служили наушниками, доносчиками, писарями, а в сношениях с киргизами—их биями: вели дело во вред казакам, вымещая им за польские походы и украинские дела.

„Мы изведем вашу варнацкую породу! кричали во всеуслышание, коменданты, батальонные, ротные и другие командиры. Им вторили капралы и ефрейтора.

„Изводить, истязать и забивать казаков считалось подвигом, служебной заслугой, отсюда вопиющий произвол и притеснения.

„Я—комендант и бог: хочу казнь, хочу милую! И милость коменданта покупалась разного рода живностью: гусями, утками, рыбой, бараниной и т. д. Денег в народе тогда не было. Казаки убирали и возили для коменданта сено, дрова; бабы собирали ягоды, поливали и пололи комендантские огороды, стирали и шили белье, белили полотна и, как крепостные, исполняли все барские работы“. *)

Некоторые коменданты занимались даже бандитизмом. Так, комендант Устьуйской крепости Добровольский в 1817—1820 г.г. организовал целые набеги на киргиз-казакские аулы, отгонял у них скот, брал в заложники женщин и детей, которых потом освобождал за особый выкуп.

Другой комендант Татищевой крепости Дударь в 20-х годах XIX в., напротив, действовал в контакте с казак-киргизами и безнаказанно им позволял отгонять скот у линейных жителей целыми табунами, за что имел определенный доход от этих хищников **).

Таким образом в течении 100 лет, Оренбургское казачество развивалось в условиях удушающего режима крепостных комендантов, которые выколачивали из него „вольный дух“, характеризующий казачество, как самобытную общину, по своему бытовому укладу, по своим традициям, являющуюся противовесом полицейско-бюрократического строя крепостного государства.

Все исторические традиции казачества были втоптаны в грязь; из него формировалась та грубая, бессознательная сила, которая беспрекословно повиновалась воле начальства.

Чтоб обрисовать мрачный фон исторической эпохи и условия военной службы в линейных крепостях, а следовательно и службы казачества, мы позволим себе сделать несколько выписок из журнала Комиссии военного суда, учрежденной при линейном батальоне в Зверниголовской крепости и станице. Такие комиссии функционировали и в других станицах.

Ведомству судов подлежали не только военные, но и бытовые преступления населения крепостных гарнизонов и линейных казачьих станиц; казачество как военное сословие, по всем преступлениям уголовного характера подлежало наказанию по военным законам того времени.

*) Из невиданной рукописи Севастьянова: „Комендантский режим в Истории развития Оренбургского казачества“. Оренбургск. Губархив.

**) См. там-же.

В решении комиссий военного суда, как в зеркале, отразился военный и гражданский быт населения линейных крепостей. Наибольшее число преступлений падает на побегии нижних чинов со службы. Казаки, составлявшие местное население, конечно, меньше чем солдаты были повинны в дезертирстве, так как им собственно, некуда было бежать. Как ни жестока была расправа, за дезертирство, в практике военных судов того времени оно стало бытовым явлением и большинство военных преступлений относились к побегам со службы. Явление это чрезвычайно интересное для истории края и до некоторой степени характеризует тогдашний военный быт.

Из приговоров суда видно, что очень часто совершались повторные побегии со службы. За первый, второй и третий побегии виновных обыкновенно прогоняли сквозь строй через 500—1000 человек от 2-х до 4-х раз. После этого истязания, если наказанные оставались живыми, они продолжали службу в своем батальоне или ссылались на каторгу. Если же побег со службы сопровождался похищением казенных вещей, а иначе вряд ли могло быть, так как солдаты бежали со службы в казенной обмундировке, которую не сдавать же было им накануне побега, то наказание было еще более жестоким и определялось тысячами шпицрутен, до забивания на смерть.

Однако страх перед суровою расправою не мог остановить дезертиров. Из книги постановлений военного суда при Зверниголовском линейном батальоне с 1825 по 1835 г. видно, что в числе осужденных за побег были солдаты, совершившие побегии от 3-х до 8 раз! Удивительно, как это люди могли выносить на своей спине такое неисчислимое количество ударов шпицрутенами?!

Так, например, солдат Зверниголовского батальона Николай Арефьев, состоя на службе в линейном батальоне с 1817 по 1825 г., совершил 6 побегии. За шестой побег в 1825 году, он был наказан кнутом перед строем полка и сослан на вечные каторжные работы. Рядовой Иван Шелковников совершил 8 побегии со службы и за 8-й побег в 1826 г. был повешен.

За преступление против личности—убийства, нанесение ран, за драки и за преступления против собственности виновные карались до смертной казни включительно.

Так приговором военного суда в 1825 г. солдат Иван Густомесов «за поранение ножом девицы Хавроньи, дочери рядового Ядринцева» был приговорен к обезглавлению «мечем ; после чего тело казенного было положено „на везжей дороге“.

Рядовой Анисим Алексеев „за побег и неадачу ответа подпоручику Рябову“ в том же году был повешен. Третий рядовой «за битье бабки Павловой и за причинение грубости майору Каркину“ в том же году был обезглавлен.

Но тут же рядом унтер-офицер за изнасилование 13-ти летней девочки карается только разжалованием в рядовые и 100 розгами.

Решение военных комиссий отличались суровостью не только в отношении живых, но и в отношении мертвых преступников. Из приговора того же военного суда от 11 января 1827 г. видно, что рядовой Осип Алексеев, похитивший „у чиновника 14 класса офицерскую шинель, плюсовый картуз и кашемировую шаль и векселей на 1500 денег ассигнациями“, и покончивший с собой самоубийством, — в назидание живым, все таки был судим комиссией, которая постановила: на основании ст. 191 Наказа Императрицы Екатерины II и ст. ст. 150, 162, 169 и 170 сухопутного и морского Артикула—предать

труп самоубийцы позорной казни: „колесом разломать и тело его на колеса положить“.

Другой солдат приговором той-же комиссии от 19-го сентября 1828 г. „за намерение лишить себя жизни и прелюбодейную связь с женою малолетка“ был прогнан сквозь строй через 500 человек два раза....

25-ти летняя солдатская служба на далекой и слабозаселенной окраине, невозможность обзавестись семьей по недостатку женщин, чрезвычайно обостряли половой вопрос, на почве которого возникала масса бытовых преступлений, с которыми военные суды боролись со всею беспощадною решимостью того времени. Однако суровые наказания не могли заглушить естественного голоса природы и нарушение супружеской верности весьма часто фигурировало в приговорах военных комиссий, как впоследствии в приговорах духовных консисторий.

В 1833 году солдат Федор Каркунов был прогнан сквозь строй через 500 человек 2 раза за скотоложество. В том же году рядовой Петр Некрасов только за то, что по суду оказался виновным в отлучке из квартиры своей, пьянстве и других поступках, был прогнан через 500 человек 2 раза. Что следует подразумевать под „другими поступками“ в приговоре суда ничего не говорится.

Но еще более свирепым становился суд тогда, когда нарушались интересы правящего класса—дворян. Так в 1835 году барабанщик Андрей Гаевский“ за нанесение ран с пересечением уха дворовому человеку коменданта крепости, был приговорен к следующему наказанию: „взять его под виселицу, говорится в приговоре,—пробить ему руку тесаком на единый час, а потом гонять шпицрутенами“.... Предела ударов шпицрутенами установлено не было. Такова была расправа коменданта с солдатом за своего дворового человека.

Комендантский режим с его военными судами просуществовал в линейных станицах в течение целого столетия. В 1840 г. в войске было введено новое положение, которое избавило казаков от самодурства крепостных комендантов, но не избавило их вообще от самоуправства и произвола военщины, так как казачество попрежнему оставалось военным селением. но управление войском было в значительной степени упорядочено. С введением положения 12 декабря 1840 г. об управлении войском военная и гражданская власть была сосредоточена в руках наказного атамана, который осуществлял ее в военном и гражданском отношениях через войсковое дежурство и войсковой штаб, а в хозяйственном—через войсковое правление.

В военно-административном отношении войско было разделено на два военных округа, а каждый из них—на 5 полковых округов, к которым были приписаны казачьи станицы. Начальники полковых округов, или полковые командиры, пользовались в отношении населения военной, гражданской и политической властью. За уголовное преступление население станиц попрежнему подлежало военным судам. Срок военной службы был сокращен до 30 лет, из которых 25 лет казак состоял в строевом разряде и пять лет в запасе. Военная служба, как и раньше, казаками отправлялась за собственный счет.

В связи с реорганизацией войскового управления правительство позаботилось о том, чтобы окончательно искоренить прежние традиции казачества, которые может быть еще сохранились в дореформенной казачьей станице.

С этой целью на высшие должности в войске были поставлены по преимуществу офицеры регулярной кавалерии, которые должны были придать вновь сформированным казачьим полкам вполне регулярный характер и преобразовать самую станицу.

Вместо войскового атамана Оренбургского казака Подурова был назначен наказный атаман не казак граф Цукато. Начальником штаба войска был назначен полковник Геке. Начальниками военных округов назначены: 1-го гусарского его величества короля Вюртембергского полка полковник Тимлер; второго—Елисаветградского гусарского полка полковник фон Родэ. Командирами полков были назначены: № 1—уланского его императорского величества эрцгерцога Австрийского полка—полковник Борейша; № 2—Ахтырского гусарского полка—полковник Рооп; № 3—Изыумского уланского полка—полковник Дунаковский; № 7—Сумского гусарского полка—полковник де-Росси; № 8—Харьковского уланского полка—полковник Берг 4-й.

В этом назначении пр глядывает прежняя тенденция правительства: ни одного офицера с русской фамилией не было назначено из полков регулярной кавалерии в казачьи полки! Повидимому при этом назначении имелись ввиду не только вопросы военного строительства. Правительство по прежнему не доверяло политическим настроениям казачества.

Впрочем мы должны оговориться, что часть командиров казачьих полков были назначены из казачьих офицеров. Что касается среднего командного состава, то социальное его лицо для нас остается невыясненным, за отсутствием материалов; надо полагать, что большинство его принадлежало к войсковому сословию

Несомненно, что в лице высшего командного состава, укомплектованного офицерами регулярной кавалерии, правительство имело своих агентов, которые должны были перестроить не только военную службу, но и быт казачества и его хозяйственные формы.

Эта забота Правительства сказалась уже на первых порах при заселении новой линии казаками в 1838 г. В октябре м-це этого года военный губернатор Перовский, командуя войскового атамана Подурова для обзора вновь застроенных станиц, снабдил его подробной инструкцией относительно введения порядка кордонной службы, а также и вообще в отношении устройства хозяйственного быта новоселов.

В собственноручной записке Перовского Падурову, между прочим, говорится, чтоб он об'ехал по линии станиц „не менее 3-х раз“ и „вник“ в хозяйство казаков, при этом атаман должен был выяснить, кто из казаков не имеет строевых и рабочих лошадей, на предмет выдачи им пособия из войсковых средств на их покупку.

„Во время проезда по некоторым станицам, пишет Перовский,—я заметил, что обывательские дома стоят без крыш, точно в таком виде, в каком они были в первый год основания. Это происходит от беспечности частных начальников. В первой и второй дистанциях почти все дома покрыты досками, хотя станицы этих дистанций находятся в большом отдалении от лесов. На этот предмет полковнику Падурову обратить внимание и разрешить ему входить по начальству с представлениями об улучшениях, которые признает нужными и возможными, а равно об удалении тех офицеров, которые будут им найдены ненадежными“. *)

*) Дело Канцел. военного губернат. 1838—1840 г. о командировании Подурова на новую линию.

Войсковой атаман Подуров, изучив в течение осени 1838 г. вновь застроенные станицы, представил Перовскому свои „примечания“ относительно казачьей службы и быта на границе. В „примечаниях“ между прочим говорится, что летом на полевые работы возможно увольнять не более $\frac{2}{3}$ населения станицы с тем, чтобы $\frac{1}{3}$ жителей находилась в полной боевой готовности на случай нападения на линию ордынцев.

Среди населения новой линии Подуров нашел много казаков — одиночек, в особенности из молодежи, которые не имели ни семей, ни хозяйства и в зимнее время на линии не могли найти себе работы. Зима была самым спокойным временем на новой линии, так как в это время вблизи ее находились только мирные казак—киргизы, а „хищники“ обычно откочевывали на зимовки далеко в степь, на берега Сыр-Дарьи и Аральского моря. В виду этого Подуров испрашивал разрешения губернатора увольнять во время зимы на старую линию на заработки до $\frac{1}{3}$ населения новой линии.

Главное же внимание Подурова было обращено на развитие среди новоселов земледелия. В своем донесении губернатору Войсковой атаман пишет, что объезжая линию он отдал приказ дистаточным начальникам „приохотить“ население „по известным опытам пахать землю для посева два раза (пар) и сеять весной под борону“. Затем Подуров говорит, что он приказал „наклонять жителей полевые работы производить артелями, по примеру прошлого года, ибо где выполнено точно так, как это было предписано, там жители менее нуждались в хлебе в течение года.

Таким образом в силу местных условий войсковое начальство, в целях поднятия хозяйственного развития новых станиц, в порядке приказа, проводило среди населения коллективизм в полевых работах и зяблевую вспашку, чтоб поднять урожайность посева.

Вместе со своими „примечаниями“ Подуров представил список на 300 урядников и казаков, которые не имели рабочего скота, испрашивая для них ссуду в 13 тыс. рублей и 174 лошади. В некоторой части Перовский приказал удовлетворить ходатайство атамана.

„Примечание“ Подурова послужило материалом для составления особых правил для линейных станиц, изданных начальником штаба Оренбургского корпуса. В эти правила был включен порядок увольнения жителей на полевые работы и в отпуска, а также рекомендованные Подуровым зяблевая вспашка земли под посев два раза и коллективные полевые работы.

Особенный интерес представляет собой п. 4-й этих правил, отражающий дух тогдашнего времени

„Для искоренения праздности между казаками новой линии, говорится в этом пункте, представляется войсковому начальству командировать ежегодно от войска надежного чиновника для удостоверения, кто из домохозяев и в каких занятиях проводит время и в какой степени оказалось приобретение в хозяйстве. Офицер этот во исполнение поручения сего во всем должен дать подробный отчет начальству, донося о тех, которые изобличаются в лени и нерадении для исправления коих войсковое начальство имеет принять необходимые меры“. Каковы были эти „необходимые меры“, очень хорошо знали спины оплошавших казаков.

В п. 5 правил «на станичных начальников, возлагается постоянный надзор за успехом постройки жителями домов своих, стараясь водворить каждого до окончания срока льготы, то есть до выкомандирования на внешнюю службу».

Не менее интересен и также тип „социального обеспечения“, который был осуществлен в военных поселениях на новой линии. По приказу начальства дряхлые, безродные старики, а также все, „одержимые неизлечимыми болезнями и казаки“, не имеющие семей, по наряду станичных атаманов „пристраивались“ к семействам зажиточных казаков, которые обязывались их содержать до смерти.

Особенное внимание обращалось на воспитание молодежи. Станичным начальникам было приказано, „всеми мерами отвращать их от праздности, употреблять артелями для постройки домов и к приобретению хозяйства; требовать от них отчет в успехах, а по праздничным дням, свободным от работ, изыскивать все способы к их домообзаведению.“

Далее в качестве хозяйственной меры было запрещено жителям сжигать навоз, который они были обязаны употреблять для выделки кизяка и для удобрения полей и огородов

Уже из приведенных пунктов инструкции штаба корпуса можно заключить, насколько военно-административный надзор войскового начальства проникал во все подробности военного и хозяйственного быта линейных казаков. Комендантский режим отошел в область прошлого, но казачество за время существования Положения 1840 г., т. е. до 1865 г., переживало не менее жесткий режим военно-полицейской системы, оставивший глубокие следы в истории его развития.

Г Л А В А IV-я.

Землеустройство в новом районе русских и казак-киргизов и их взаимоотношения. Мнение управляющего Азиатским Комитетом Родофиникива. Учреждение особого Комитета по делам землеустройства в новом районе и его работа.

В период кампании по устройству и заселению новой линии в 1836—1840 г. была застроена и заселена укреплениями и станциями только 15-ти верстная пограничная полоса. Внутренний район пока оставался незаселенным. Переселенцам казакам отводились в наделы земли, по 30 десятин на каждую душу мужского населения и по 15 дес. на душу в запасный земельный фонд. Оставшаяся в излишке земля была передана в распоряжение Оренбургской Пограничной Комиссии. Казак-киргизы, кочевавшие на внутреннем пространстве нового района оставались на местах. Ежегодно с наступлением весны они совершенно свободно выкочевывали за линию в Тургайские степи, а осенью возвращались обратно на свои зимовки.

С изданием положения—1840 г., когда весь новолинейный район был включен в состав территории Оренбургского казачьего войска. Войсковое Правление обратилось к военному губернатору с ходатайством о совершенном удалении кочевников за внешнюю линию.

Ходатайство Войскового Правления было поддержано штабом Оренбургского отдельного корпуса, который находил, что в целях безопасности пограничной линии является целесообразным прекратить дальнейшие „перепуски“ киргиз через линию вперед и обратно.

Вследствие этого ходатайства военный губернатор 13 марта 1842 года запросил султанов правителей Восточной и Средней ча-

стей орды, что возможно предпринять для выселения из нового района подведомственных им казаков.

В июне того же года султан правитель Средней части орды Араслан Джантюрин ответил, что выселение должно коснуться казаков Джегалбайлинского, Чумекеевского и Дюрткаринского родов, которые всегда занимали район между старой и новой линией.

„По соображению моему, писал султан правитель военному губернатору,—совершенно не нахожу для них ни в каких местах степей удобных и выгодных кочевок и полагаю, что с самым началом сего перевода не только произойдет ропот со стороны сих киргиз, но даже по сближению их к кочевкам, давно занимаемым степными киргизами, могут открыться междоусобные вражды и распри, в растройство недавно начавшегося у них некоторого примирения тишины и спокойствия“ *).

Таким образом выселение казаков из внутреннего района грозило весьма серьезными осложнениями в казакской орде. Мы уже знаем, что летом 1842 г., когда на новую линию были высланы рабочие команды для заготовки сена переселенцам, они уже нашли все сенокосные места вытопанными скотом кочевников. Войсковое Правление пожаловалось на казаков Оренбургской Пограничной Комиссии, а последняя в свою очередь предписала султанам правителям принять меры к прекращению потрав. Пока велась эта переписка, между новоселами и казаками уже начались столкновения и споры из за земельных участков, в особенности из за луговых сенокосных мест.

Пограничное начальство почему то полагало, что с застройкой новой линии казаки, стесненные русскими поселениями в своих кочевках, добровольно откочуют „в дальние степи“. Но оказалось как раз наоборот: со стороны последних стали поступать ходатайства о разрешении им построить во внутреннем районе постоянные зимовки и завести сенокосение. Вместо уменьшения туземного населения в новом районе, обнаружился приток на эти места все новых и новых выходцев из степи, которые, пользуясь охраной внешней линии, мирно располагались на постоянное жительство между старой и новой линией.

Ввиду наплыва кочевников новый Оренбургский военный губернатор генерал Обручев по просьбе султанов правителей 17 октября 1842 г. вошел с ходатайством к министру иностранных дел о разрешении казакам, кочевавшим между старой и новой линией, оставаться на старых местах, так как удаление их за черту пограничной линии, согласно высочайше утвержденного журнала Азиатского Комитета в 1835 г., встречает много затруднений.

В своем рапорте министру генерал Обручев писал, что к нему поступает масса заявлений со стороны киргиз о разрешении им поселиться в новом районе, устроить постоянные зимовки и косить сено. Он опасался, что насильственное удаление их из этого района возбудит вражду и месть к новоселам

„Киргизы между старой и новой линиями, писал Обручев,—с самого устройства последней, в продолжении пяти лет не оказали никаких беспорядков и враждебных действий против новых поселенцев и ни от тех и ни от других не поступало к местному начальству жалоб, а наоборот, оба народа живут между собой дружно

*) Дело Оренб. Погран. Комиссии 1842 г. № 31411/4009 об удалении киргизцев Джегалбайлинск, рода с земли между старой и новой линией лист 27.

и сверх того из киргиз значительное число находится на равнине и в пастухах за весьма умеренную цену у казаков" *).

Свое ходатайство об оставлении казак-киргизов в районе, Обручев еще мотивировал тем, что мера эта „послужит к обеспечению безопасности передней линии, так как киргизы эти, будучи заинтересованы в сохранении спокойствия в районе, будут своевременно предупреждать пограничное начальство о „хищных намерениях“ своих заливнейных соплеменников и родственников“.

М. И. Д. граф Нессельроде, принимая во внимание доводы военного губернатора, испросил повеления императора Николая I на оставление киргиз в новом районе. На докладе Нессельроде была положена резолюция: „Согласен впредь до повеления“ **).

После разрешения вопроса об оставлении казаков в новом районе возник второй вопрос—об урегулировании землепользования и взаимоотношений между русским и туземным населением. Для разрешения этого вопроса генерал Обручев назначил особую комиссию с участием офицеров генерального штаба; комиссии было поручено произвести землеустройство в новом районе и сделать нарезку земли под кочевки казакам.

Работы Комиссии предположено было начать с весны 1843 г. В состав Комиссии вошли казаки, представители Джегалбайлинского рода,—почетный бий Тляуберды Кутанов и Байдиль Кейкин. От Пограничной комиссии—чиновник Масленников, от Оренбургского корпуса генерального штаба капитан Шульц и чиновник Оренбургского казачьего войска.

Члены комиссии собрались 12 мая 1843 г. в городе Орске, откуда и начали свою работу по обмежеванию района, имея целью закончить ее близ города Троицка. В процессе работы Комиссией встретились весьма серьезные затруднения главным образом в исчислении казакского населения, желающего устроиться на зимовках в новом районе. Представители Джегалбайлинского рода могли дать приблизительное число кибиток своего рода, но казаков родов Шумекей и Дюрткара никак невозможно было учесть, так как число их кибиток изменялось каждую осень, в зависимости от положения в степи. В силу этого обстоятельства султан правитель Средней части орды не мог дать сведений о числе казакских кибиток, подлежащих землеустройению и Пограничная Комиссия предложила собрать эти сведения на местах. Работы Комиссии затянулись. Только к июлю месяцу было установлено, что в новом районе кочуют 2500 кибиток казаков.

Военный губернатор приказал разместить их между 32 казачьими станицами, расположенными на новой линии и между 21 станицей на старой линии, таким образом, чтобы на каждую станицу приходилось не более 50 кибиток и нарезать им участки земли из земельного фонда, оставшегося свободным от надела казачьих станиц. При этом было указано, чтоб комиссия ни в коем случае не допускала расположения в одном месте свыше 30—100 кибиток казаков и отводила бы им места, расположенные не ближе 40 верст от новой линии.

При отводе участков под зимовки казаков было предписано обратить внимание на условия, необходимые для их устройства, а именно: отводить участки по рекам, где имеются камыши, кустарники и заросли леса, необходимые для укрытия стад во время зимних

*) Материалы по историко-статистическому описанию Оренб. казачьего войска г. II стр. 254

**) Там-же стр. 255.

буранов. Но при отводе луговых мест для заготовки сена рекомендовалось отводить киргизам луга с таким расчетом, чтоб они не могли накопить сена для своего скота в потребном количестве, т. к. в противном случае они „могут отвыкнуть“ от кочевок, если будут обеспечены кормом на всю зиму....

В результате работы комиссии казак-киргизы были разбросаны небольшими колониями на всем пространстве между старой и новой линией и разобщены между собой черезполосицей русских станиц.

Во избежание притеснений казаков со стороны русских жителей, генерал Обручев приказал и у последних ограничить сенокосение и воспретить им продажу сена на сторону, а также и сдачу в кортому сенокосных участков, полагая, что эти меры вынудят их к тому, что они, подобно ордынцам, будут выпускать зимой свой скот на тебеневки.

Это нелепое распоряжение военного губернатора вызывалось, между прочим, следующими соображениями. Население казачьих станиц имело обыкновение выезжать в степь для косьбы сена за несколько десятков верст от станиц, лишь бы только захватить в степи лучшие сенокосные участки и не дать воспользоваться ими казакам. Между тем как вблизи станиц на зиму оставались нескошенные луга, которых было бы достаточно для обеспечения населения сеном.

К 1 июля комиссия закончила свои работы, обмежевав новый район, начиная от г. Орска до Атаманского поселка на новой линии и до поселка Сыргинского—на старой. Главные зимовки для казаков были отведены по левому берегу Урала, который был отдан им почти на всем протяжении старой линии, за исключением берега против станицы Орловской, жителям которой, за неимением лугов на правом берегу, сенокосные луга были отведены на левом берегу Урала.

По окончании работ Комиссия неожиданно получила новую инструкцию от генерала Обручева, вследствие которой пришлось работу начать снова. Военный губернатор потребовал, чтоб с некоторых участков казаки были удалены вовсе.

Наделение казаков землей в новом районе было встречено русским населением с большим неудовольствием, так как оренбургские казаки считали новый район достоянием войска. На этой почве между русскими и казак-киргизами началась вражда, которая собственно имела уже за собой столетнюю историю. До сих пор русские казаки и кочевники-казаки были разграничены рубежами пограничных рек и пятнадцати верстной пограничной полосой. Полоса эта была установлена высочайшим указом правительства на имя Оренбургского губернатора Апухтина 29 июня 1783 г. В силу этого указа казак-киргизы не имели права без разрешения пограничного начальства приближаться к пограничной линии ближе, 15 верст. В свою очередь и линейным казакам было запрещено переходить на левую сторону Урала и таким образом для тех и других устанавливалась запретная зона.

Указ правительства был подтвержден к исполнению особым предписанием военного губернатора Эссена 30 октября 1817 г. Однако предписание начальства не всегда исполнялись как русскими жителями, так и казаками; первые мало по малу стали считать пятнадцати верстную полосу на левом берегу р. Урала своим достоянием и косили там сено. Казак-киргизы в свою очередь считали эту полосу своей и загоняли сюда свой скот. Между теми и другими происходили постоянные столкновения: русские накашивали там

сена, а казаки травили его своим скотом. Еще с большей остротой пограничные столкновения возникли в ново-линейном районе, где русское оседлое население и казаки кочевники были перемешаны между собою. По праву сильного в первый же год совместной жизни казачьи станицы воспрепятствовали казакским аулам заготовить на зиму сена, вследствие чего последние лишились $\frac{2}{3}$ наличного скота, павшего в зиму от бескормицы.

Со стороны казак-киргизов на русских посыпались жалобы, которые дошли до центра и для изучения вопроса о взаимоотношениях русских и ордынцев из Петербурга в 1843 г. приехал сам управляющий Азиатским Комитетом М. И. Д. статский советник Родефиникин, ведавший делами по управлению казакской ордой.

Ознакомившись на месте с положением прилинейных казак-киргизов, Родефиникин нашел его чрезвычайно тяжелым, а взаимоотношения русских и ордынцев весьма обостренными.

В своем докладе М. И. Д. Родефиникин указал, что линейные русские жители сильно притесняют казак-киргизов, под влиянием чего у последних «зарождается мятежнический дух», выражением которого является знаменитое восстание казакского национального вождя султана Кенисары Касимова, начавшееся в 1838 г. В числе мер, предложенных Родефиникиным для умиротворения казакской орды, между прочим рекомендовалось: уменьшить плату, взимаемую с казак-киргизов за перепуск скота на казачьи земли на тебеневку и сокращение неправильных притязаний линейных жителей на места, лежащие за линией.

„Некоторые казачьи станицы, говорится в докладе Родефиникина, — имея в достаточном количестве луговых мест и на внутренней стороне, тем не менее косят камыш и сено и на залинейной стороне для продажи их зимою киргизам, или чтобы стеснять их разными притязаниями в потравах и т. п.“.

Что касается взимания платы с казак-киргизов за пастьбу скота на казачьих землях, то этот вопрос неоднократно возникал в течение столетней истории соседства русских с ордынцами. В последний раз он был разрешен военным губернатором Перовским в 1833 г., который установил взимать с казаков за перепуск скота следующую плату: с барана по 2 копейки, с головы рогатого скота по 5 к., с лошади по 10 к. и с верблюда по 25 к. Деньги эти шли в доход кордонной стражи, но, независимо от этого сбора, казачьи станичные общества по взаимному уговору с казак-киргизами взыскивали с них до 4-х рублей за каждую перекочевавшую на их землю кибитку.

Плата эта по тому времени казалась настолько большой, что некоторые казаки уходили на зимовку на берега Сыр-Дарьи, несмотря на то, что были тесно связаны своими кочевками с приграничным районом. Особенно в тяжелом положении оказались казак-киргизы Джегалбайлинского и Кипчакского родов, которые не получили в надел земли в новом районе и таким образом оказались в большой зависимости от русского населения, так как последнее было вправе перепускать или не перепускать их во внутренний район на зимовки.

Для урегулирования пограничных взаимоотношений статский советник Родефиникин предложил военному губернатору осуществить ряд следующих мероприятий:

1. Предоставить киргизам беспрепятственно поить свой скот в пограничных реках по степному берегу на протяжении всей границы, не стесняясь ранее установленной пятнадцати верстной демаркационной полосой.

2. Ограничить отвод земель Оренбургскому казачьему войску, согласно положения 12 декабря 1840 г., сообразуясь с действительной потребностью казаков и не удалять киргиз с кочевых мест из нового района, а также разрешить им пасти свой скот на казачьих землях, после снятия покоса.

3. Разрешить казакам и киргизам на равных основаниях пользоваться лесом по левому берегу р. Урала в течении 15 лет. По истечении этого срока, когда подростут леса на внутренней линии, все заливные леса передать в ведение киргиз.

4. Приняв за основу плату, установленную генералом Перовским в 1833 г. за пастбу скота, установить добавочный сбор в пользу станичных обществ в половинном размере основной платы.

Для обсуждения предложений Родофиникина в следующем 1844 г. в Оренбурге был образован особый комитет из представителей Оренбургского и Уральского казачьих войск. Пограничной Комиссии и военного ведомства.

Представителем Оренбургского войска в этот комитет вошел старший член войскового правления полковник Подуров, который был назначен председателем комитета. От Уральского войска советник войсковой канцелярии полковник Назаров, от Пограничной Комиссии советник Ваиев и обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса полковник Бларамберг.

Ставя себе целью «возстановление положительных отношений между ордынским народом киргизского края и пограничными прилинейными жителями» комитет 15 июля 1844 г. приступил к своей работе и окончил ее 29 августа того же года.

Предложение статского советника Родофиникина встретили сильные возражения со стороны представителей казачьих войск.

Полковник Подуров, на основании указа Оренбургской Губернской Канцелярии от 26 октября 1753 г., данного на имя войскового атамана Оренбургского войска Могутова и других высочайших указов, относящихся до заселения пограничной линии и, наконец, на основании предписаний Оренбургского военного губернатора атаману Углицкому от 11/IX-1817 г., доказывал, что земли по обеим берегам пограничных рек, не менее чем на 10-15 верст в киргизскую сторону, безусловно принадлежат русским казакам, ввиду недостатка у них луговых мест на внутренней стороне; если же отдать эти земли киргизам, то казаки не в состоянии будут исправно нести военную службу, за недостатком сенокосных мест для их скота. Он находил „претезании“ киргиз на пастбища в 15 верстной полосе несправедливыми, так как последние и без того обладают огромным пространством земли, превышающим территорию Оренбургского войска в 46 раз.

Далее Подуров находил невозможным разрешить киргизам пользоваться лесами, растущими по левому берегу р. Урала, так как они быстро сведут эти леса без остатка, чем нанесут величайший ущерб русскому населению.

В заключение полковник Подуров просил все сенокосные места по р. Уралу, Илеку, Ую и Тоболу оставить в полном и единственном обладании русских казаков, как это было до сих пор; что же касается платы за тебеневку на казачьих землях киргизского скота, то Подуров внес предложение, не назначать однообразной платы для всех мест, а в зависимости от качества пастбищ, допустить на сдачу их в аренду „свободное соревнование разных претендентов“. Во избежание же столкновения между казаками и киргизами из за

сенокосных мест он находил необходимым сделать „подробное описание земель, отведенных казак-киргизам“. В случае же самовольных захватов, накошенное сено должно принадлежать той стороне, на участке которой оно накошено.

Полковник Назаров заявил, что никаких притеснений киргизы со стороны русских жителей не терпят, что плата за перепуск скота на казачьи земли существует самая умеренная, не превышающая одного % его стоимости. По его данным на Н.-Уральской линии с киргиз взимается: с барана 15 коп., рогатого скота 50 коп., с лошади 75 к и с верблюда—80 коп.

Защищая то положение, что левый берег р. Урала принадлежит казакам, Назаров сослался на высочайший указ от 12 мая 1755 г. о даровании яицким казакам исключительного права на рыболовство по р. Уралу и на высочайший указ от 29 июня 1783 г. о недопущении киргиз к линии ближе, чем—за 15 верст. Для Уральского казачьего войска, неимеющего заливных лугов на правом берегу р. Урала, обладание его левым берегом является жизненной необходимостью, почему Назаров решительно высказался против проекта статского советника Родофиникина.

В защиту интересов казакского народа выступал чиновник Пограничной Комиссии. Он не только настаивал на принятии мер предложенных Р дофиникиным, но и высказался за передачу киргизам Аман-Карагайского бора и других лесов зауральной степи. Он доказывал, что ссылки представителей Оренбургского и Уральского войск на указы правительства, которыми будто-бы закрепляется за ними право на владение левым берегом р. Урала,—неосновательны, и в свою очередь сослался на высочайший указ от 19 февраля 1759 г., которым было запрещено русским казакам иметь сенокосы на внешней стороне.

Представитель военного ведомства полковник Бларамберг заявил, что если лишить казаков сенокосных угодий на внешней стороне, то можно подорвать их благосостояние, вследствие чего они не смогут в исправности снаряжаться на военную службу. Таким образом, большинство членов комитета оказались заинтересованными в решении вопроса в пользу русского населения и только чиновник Пограничной Комиссии в единственном числе по своей обязанности защищал интересы казакского народа.

Комитет вынес следующее постановление:

1. Не лишать русских казаков сенокосов, которыми они владели до сих пор и наделить за линейными лугами те станицы, у которых окажется в них необходимость.

2. Все луга, находящиеся во владении линейных жителей, обозначить особыми границами при депутатах от казачьих войск и Пограничной Комиссии.

3. На отведенные Оренбургскому казачьему войску на внешней стороне земли допускать киргиз к зимнему кочеванию по силе § 64 положения о войске.

4. Учинение отводов луговых мест, во избежание излишних расходов, возложить на межевую комиссию Оренбургского казачьего войска.

5. Строго подтвердить казакам и киргизам, чтоб не осмеливались захватывать чужих участков, не означенных в описании.

6. Все леса оставить за казаками (русскими), как их собственность. Киргизам же предоставить право перегонять свой скот на

внутреннюю сторону только с разрешения станичных обществ, за плату по соглашению.

Постановление особого комитета 31 августа получило утверждение военного губернатора.

Между тем землеустройство казак-киргизов в новом районе продолжалось. 2-го декабря 1844 г. генерал Обручев дал новое распоряжение распределить казаков в новом районе небольшими аулами, по 10 кибиток в каждом. Общее количество кибиток к этому времени в новом районе исчислялось в 6270.

Решение вопроса о землеустройстве казак-киргизов в н.-линейном районе в плоскости наиболее благоприятной для русского населения вытекало из характера всей русской колонизаторской политики, имеющей конечной целью создать для казаков такие ограничения и притеснения, в силу которых они были бы вынуждены удалиться в заливные степи. Войсковое начальство и местные станичные власти создавали для своих соседей ряд затруднений, как при устройстве ими зимовок, так и при пастьбе скота и заготовках сена. Сами кочевники, привыкшие свободно обращаться с лесами и лугами, не могли освоиться с требованиями нового начальства об охране лесов, вод и лугов. Им запрещалось рубить леса, выжигать степи напольным огнем, от которого вместе со старой травой погибала лесная поросль; но они продолжали это делать в силу установившейся привычки. Местные начальники постоянно жаловались на киргиз, неисполняющих их требований. Киргизы жаловались на притеснения русских. Войсковое Правление и Пограничная Комиссия были завалены жалобами тех и других друг на друга. Однако, несмотря на ряд подобных столкновений, несмотря на то, что русское население всячески старалось вытеснить кочевников из своего района, число последних не только не уменьшалось, но возрастало с каждым годом. Главным стимулом, побуждающим кочевников стремиться в ново-линейный район, были удобные зимовые стойбища, которые они находили на незанятых русскими урочищах, а также родовые междоусобия и вражда в казакской орде, которые вынуждали сторонников России искать убежище от преследований своих врагов за линией русских пограничных укреплений.

Мы уже видели, что в 1843 г. число землеустроенных кибиток было 2500. В 1844 г. число их возросло до 6270, в 1848 г., в ново-линейном районе уже насчитывалось 8394 кибитки с населением около 28 т. душ обоюбого пола, которые имели следующее количество скота: верблюдов—12.606, лошадей—50.931, рогат. 16.450, баранов—132.903.

Ново-линейный район имел притягательную силу не только для богатых казаков, располагающих большими количествами скота, но и для казакской бедноты, которая находила заработок у русского линейного населения.

Пограничная Комиссия весьма благосклонно смотрела на прирост казакского населения в новом районе, так как увеличение его давало ей доход. За каждого батрака—казака русский житель был обязан выплачивать особый билетный сбор по 50 к. в м-ц, что в общей сложности давало Комиссии значительный доход. Однако наплыв казакской бедноты на линию не везде встретил сочувствие Комендант одной из крепостей, между прочим, доносил начальнику штаба корпуса, что казаки, живущие в работниках у русских, не имеют за собой никакого надзора и занимаются покражей скота у жителей, отправляя его в киргизскую степь. Такое же донесение поступило со стороны командующего Башкиро-Мещеряжского войска полковника Балкашина,

который жаловался, что казаки, нанимаясь в работники к русским, „не проживают в их домах, а располагаются вблизи селений кибитками, имеют связь с порочными башкирами и тептерями, при помощи которых крадут скот и отправляют его за линию».

Ввиду таких жалоб начальник Оренбургского края установил ряд ограничений при найме в работники казаков, потребовав от хозяев, чтоб они нанимали только тех, которые имеют одобрительные отзывы своих старшин. Кроме того по линии было издано распоряжение привлекать к ответственности казаков, уличенных в празднотатательстве, нищенстве и дурных наклонностях, задерживая таких и отправляя годных на военную службу, а негодных передавать султанам правителям.

Наблюдая массовый прилив казакского населения в ново-линейном районе и в особенности казакской бедноты, которая искала работы в казачьих станицах, нельзя не признать, что заселение нового района культурным оседлым элементом имело огромное экономическое и политическое значение для всей Оренбургской окраины и казакского народа, кочующего в смежных тургайских степях, так как последний, действительно, стал получать от русских дешевый хлеб, в обмен на продукты своего скотоводческого хозяйства. Но если прилинейные казаки ради этих благ готовы были примириться с потерей своей территории и независимости, то совершенно иначе посмотрели на это свободные казакские роды, которые до застройки новой линии кочевали на заселенных русскими землях.

Заселение нового района послужило одной из причин знаменитого восстания казакского народа под предводительством султана Кенисары Касимова, которое продолжалось в течение 10 лет.

В течение этого времени не один раз многочисленные полчища кочевников под предводительством своего вождя обрушивались на новую линию, пытались выжечь казачьи станицы и срыть ненавистные им русские крепостные укрепления. Русское население новолинейного района и в частности Оренбургское казачество выдержало долгую и весьма изнурительную борьбу с казакской ордой прежде чем закрепило за собой земли нового района.

Г Л А В А VI-я.

Борьба за степь. Возмущение батыря Джуламана. Посылка в степь карательных отрядов. Появление Кенисары в Тургайских степях и его набеги на линию.

В прилинейных степях, отошедших в новый район, кочевали казаки Джегалбайлинского, Кипчакского, Джапасского, Алтынского, Кирейского и Аргынского родов, из которых самыми многочисленными были казаки Джегалбайлинского рода которых насчитывалось здесь до 4500 кибиток, Кипчакского рода, свыше 2500 кибиток и Джапасского 1000 кибиток. Казаки эти, кочуя в соседстве с русскими пограничными поселениями, уже завязали с ними довольно тесные экономические и торговые связи, перенимали у них земледельческую культуру и знание некоторых промыслов. Казаки вели полукочевой образ жизни и некоторые из них имели вблизи линии благоустроенные зимовки. Будучи сторонниками дальнейшего развития мирных экономических сношений с Россией, они как мы уже знаем без борьбы примирились со вторжением в их степь русских военных поселений, благодаря которым были защищены от нападе-

ния своих воинственных соплеменников, кочевавших в Тургайских степях.

Из рапорта султана правителя Средней части орды мы уже видели, что в степи не было свободных мест, куда бы они могли удалиться от линии; всякое продвижение новых родов в степь приводило к столкновению с кочующими там родами и порождало нескончаемые междоусобия. В силу этих причин прилинейные казаки примирились с гнетом русской администрации и обидами со стороны русских жителей, лишь только бы им позволили кочевать между старой и новой линией.

Что касается правящих классов орды—султанов и родовой администрации, в лице старшин,—то последние состояли на русской службе и считали себя верноподданными русского императора. Возведение военных крепостей в степи только упрочивало их служебное положение и власть в орде почему они всячески содействовали русской колонизации.

Благодаря кочевому быту, население прилинейных аулов не было постоянным, так как периодически в нем происходили приливы и отливы. С наступлением весны прилинейные казаки выкочевывали за внешнюю линию и соединялись с общей массой своих однородцев, прикочевывающих на лето из „дальних степей“. Осенью они возвращались обратно во внутренний район, но не в прежнем составе. Одни из них, соединившись со своими родственниками, уходили на зимовки в пески Кара Кум, Большие и Малые Барсуки, или на берега Сыр-Дарьи, другие же, наоборот, возвращались в новый район с присоединившимися к ним родственниками. Число казаков, остававшихся на зимовках в новом районе, колебалось каждый год и зависело от многих причин, главным образом, климатических и политических. В годы, когда летом выпадали обильные дожди и степь покрывалась богатой растительностью, казаки находили достаточно корма для своего скота и многие из них не возвращались на зимовки на линию. Наоборот в засушливые годы, когда степи превращались в безводные и бесплодные пустыни, или когда в орде происходили внутренние междоусобия, замечался наибольший прилив казаков на внутреннюю линию. Тем не менее в предыдущей главе нами уже установлена тенденция постоянного прироста казакского населения в прилинейных степях.

Более или менее постоянные обитатели приграничных степей были мирными соседями русских поселений и даже лояльными подданными России, т. к. исправно платили правительству подать—покибиточный сбор, по 1 р. 50 к., введенный Перовским в 1837 г. Однако этого нельзя сказать про те полудикие кочевые массы, которые каждым летом заполняли Оренбургские степи. Последние принадлежали к независимым могущественным родам и кочевали по всему огромному пространству степей, от рек Урала и Тобола до Аральского моря и Сыр-Дарьи, условно признавая русское подданство, когда приближались к границе. Они признавали также подданство Кокану и Хиве, когда кочевали в пределах этих ханств. Появившись вблизи русских границ, они вносили в жизнь ее обитателей бранную тревогу своими „хищническими набегами“, как на жителей казачьих станиц, так и на мирные аулы своих прилинейных соплеменников. Если мирные казакские аулы легко примирились с властью России, то казаки дальних степей не могли примириться с потерей нового района оторванного у них линейными крепостями и станицами, что ставило их в зависимость от России.

Первые годы после застройки линии с 1835 по 1838 г. протекли без особо выдающихся событий. Наблюдалась обычная враждебность „дальних“ родов по отношению к новой линии; происходили обычные нападения мелких казакских партий на линейных жителей, сопровождаемые угонами скота и похищениями людей с линий, как это наблюдалось вообще на протяжении всей столетней истории русско-казакских пограничных столкновений. Но в 1838 г. в казакской орде произошли крупные политические события, вследствие которых старая вражда кочевого населения к русским колонизаторам разгорелась в открытую народную войну.

Летом в 1838 г. в Тургайские степи, находящиеся под ведомством Оренбургского военного губернатора, из сибирских пределов прикочевал со своими приверженцами „мятежный“ султан Кенисара Касимов, национальный вождь казакского народа. Объединив вокруг себя казаков, недовольных русской колонизаторской политикой и злоупотреблениями туземной администрации края, Кенисара провозгласил себя „ханом независимой орды“ и вступил в борьбу с русским правительством.

Султан Кенисара Касимов был внуком знаменитого хана Средней орды Аблая, умершего в 70-х годах XVIII столетия. Это был весьма умный и тонкий политик, замечательный наездник и военный начальник, мечтавший о восстановлении независимого казакского ханства, в пределах владений своего деда Аблая.

После упразднения ханской власти в Средней орде в 1822 г. последовала реорганизация управления казакским народом, во главе которого были поставлены старшие султаны и русские чиновники. Отец Кенисары султан Касым Аблаев и сам Кенисара не пользовались в глазах русской администрации доверием и, как политически неблагонадежные лица, несмотря на свое знатное происхождение, не получали соответствующего назначения среди новой казакской администрации. Обиженные этим султаны в 1824 г. откочевали в пределы Коканского ханства и приняли коканское подданство.

В 1837 г. султаны Касым и Кенисара прикочевали обратно в Сибирские пределы, в окрестности гор Улу-Тау, на места своих старых кочевков, где нашли радушный прием среди своих приверженцев, недовольных постройкой новых сибирских крепостей в казакских степях. Султаны Касым и Кенисара, воспользовавшись настроением народа, в декабре того-же 1837 г. начали враждебные действия против русских отрядов, которые вскоре развернулись в военные действия казаков против Сибирской линии. Борьба с султаном Кенисарой на Сибирской границе приняла весьма серьезный характер и потребовала большого военного напряжения со стороны Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Летом 1838 г. султан Кенисара с восставшими казаками окружил и сжег Акмолинский приказ. Против него были двинуты значительные военные силы. Рядом последовательных ударов против восставших аулов со стороны Сибирской линии из укреплений Дергаин-Агач-Атбассар, Акмолы, Актау сибирские отряды выбили султана из окрестности гор Улу-Тау и заставили его удалиться на р. Тургай, в пределы Оренбургского края.

С появлением султана в Тургайских степях восстание перебралось на казаков Малой орды, которые уже вели борьбу с русским правительством под предводительством своих вождей султана Каип Галия Ишимова и батыря Исатая Тайманова.

Обосновавшись на р. Тургае, султан Кенисара Касымов разослал своих эмиссаров по всем аулам Малой орды, призывая казаков объединиться вокруг него во имя борьбы за национальную независимость народа. Вооруженные партии султана Кенисара появились в аулах прилинейных казаков и стали поднимать их на всеобщее восстание.

Первым из прилинейных казаков подхватили клич султана Кенисара казаки Табынского рода, кочевавшие по р. Илеку. Будучи недовольны русским правительством за отнятый у них ново-линейный район в 20-х годах XIX, ст., они под предводительством батыря Джуламана Тлянчина, оставили свои кочевки по р. Илеку, захватили насильно других кочующих здесь казаков и откочевали в степь на присоединение к султану Кенисаре.

Вслед за табынцами снялись со своих мест дюрткаринцы и чумекеевцы, кочевавшие по р. Ор и ушли в степь по направлению к р. Тургаю.

Чтобы остановить возмущившиеся казакские роды и не дать им присоединиться к мятежному султану Кенисаре, военный губернатор Перовский в июле 1833 г., двинул вслед за ними с линии 3 военных отряда. Первый отряд под командой полковника Геке выступил из Илецкой Защиты. Второй отряд под командой подполковника Подурова—из крепости Верхне-Озерной; третий отряд под командой полковника Мансурова—из Орской крепости.

Полковник Геке и Мансуров со своими отрядами успели достигнуть хвосты откочевавших аулов и ограбили их, не остановив, впрочем, главной массы кочевников, которые присоединились к султану Кенисаре на р. Тургае. Подполковник Подуров, которому была дана задача захватить батыря Джуламана, своего старинного врага, у которого в 20-х годах он побывал в жестоком плену,—не мог выполнить своей задачи, так как Джуламан уже был далеко от линии.

Объединив вокруг себя казакские роды, кочевавшие в Иргизских и Тургайских степях, султан Кенисара обосновался на р. Тургае, откуда предпринял ряд набегов на новую линию грозя выжечь казачьи станицы и срыть укрепления, построенные на казакской земле.

В течение лета 1838 г. вблизи линии стали появляться мелкие и крупные шайки вооруженных казаков, которые стали нападать на казачьи станицы и на отдельные казачьи партии, выезжавшие в степь на рыбные промыслы и полевые работы.

Нам уже известно, что расстояние между пикетами, т. е. передовыми постами, расположенными вдоль пограничной линии, простиралось от 5 до 10 верст. Пикеты были заняты казаками и башкирами от 5 до 25 человек, смотря по их важности и по боевой обстановке. Для наблюдения пространства между пикетами высылались особые дозоры. Вдоль линии была устроена особая изгородь—„симвы“. Она делалась из ивовых прутьев, которые втыкались в землю и переплетались между собою свободными концами. Таким образом получалась непрерывная изгородь, без нарушения которой было невозможно проникнуть через линию. Дозоры, высылаемые с пикетов, обыкновенно проезжали вдоль „симвов“ и осматривали, не нарушена ли гденибудь эта линия. Если „симвы“ были разрушены на каком-нибудь участке, то это значило, что здесь проехали киргизы. В этом случае на пикетах сейчас же поднимали тревогу, зажигая сигнальные вехи, которые устраивались из высоких жердей, обмотанных жгутами соломы и облитых смолой. Дым от сигнальных вех будил тревогу по всей пограничной линии и к месту прорыва ска-

кали казаки с соседних постов и редутов. Здесь они самым тщательным образом изучали следы проехавших „хищников“ и гнались за ними в погоню.

Тем не менее, несмотря на такую предосторожность, казак-киргизы при малейшей оплошности пограничной стражи умели проникать за линию, откуда выводили в плен целые казачьи семьи и угоняли табунами жителямский скот. Обычно они проникали на линию мелкими партиями и разрушали „симы“ одновременно в нескольких местах. Свои набеги на линию они устраивали в темные и ненастные ночи. Проникнув за линию, они, хорошо зная местность, в течение дня и ночи скрывались где нибудь в глухом урочище и выслеживали жителямский скот. Нападения производили обычно на рассвете, преимущественно захватывая конские табуны, которые стрелглавы гнали за линию, на пути меняя лошадей. В большинстве случаев нападения казакам удавались, так как пока на линии обнаружится их набег и соберутся для преследования, они успевают ускакать несколько десятков верст от линии.

В течение лета 1838 г. на казачьи станицы был сделан целый ряд нападений.

16 июля партия казаков до 200 человек напала на казачьи пикеты у Хабарного поселка, близ Орской крепости, причем был убит один русский казак и двое ранено, но нападающие были отражены.

С 21 июля по 12 августа на станицу Наследницкую было сделано несколько нападений со стороны казаков, которые отогнали у жителей 37 лошадей.

31-го августа партия казаков в 50 человек напали на жителей Георгиевской станицы, выехавших в поле на работу, и увезли в плен 2-х человек.

1 сентября 20 казаков ограбили 3-х жителей Елизаветинской станицы.

7 сентября казаки захватили и увели в плен 1 урядника из Константиновского укрепления.

17 сентября около Варваринской станицы появилась партия казаков в 150 человек, которые напали на быв. в поле 3-х урядников 4-х казаков, ограбили их и отняли 10 лошадей. *)

Список происшествий на линии не исчерпывается перечисленными нами нападениями казаков; факт этих нападений характеризует то боевое положение, которое создалось на границе, в связи с выступлением султана Кенисары. Началась народная война, долгая, изнурительная, не дающая какого либо быстрого эффекта, — но война, — отвлекающая все активные силы населения от производительного труда и поставившая население казачьих станиц под угрозу постоянных нападений со стороны кочевников.

Тревожное положение на границе продолжалось до наступления зимы. Зимой военные действия сами собой прекратились, так как казаки откочевали на зимовки в глубь степей.

Военный губернатор решил предпринять ряд мер, которые должны были обеспечить население станиц от возобновления военных действий со стороны казаков с наступлением весны. От пассивных мер оборонительного характера он решил перейти к активным действиям против Кенисары и разгромить его на р. Тургае, в самом сердце казакских кочевий.

*) Дело канц. Оренб. воен. губернатора 1838 г. № 691.

Для весенней операции в течение зимы был разработан особый план нападения на Кенисару в Тургайских степях. С этой целью ранней весной 1839 г. был сформирован отряд в составе 2000 чел. при 2-х орудиях под командой войскового старшины Лебедева. В состав этого отряда входили 1500 башкир и 500 оренбургских казаков. Отряд был собран в станице Степной, откуда 6 марта выступил в степь через стан. Николаевскую еще по зимнему пути на саних. В степи бушевали снежные бураны, почему отряд двигался чрезвычайно медленно, с большими задержками, пробивая себе путь через снежные бесконечные степи. Раннее выступление отряда было рассчитано на то, чтобы достигнуть султана Кенисару на р. Тургае, когда он еще не выступит из своих зимовок.

28 марта, преодолев чрезвычайно трудный путь, отряд Лебедева достиг р. Тургая, где уже наступила оттепель и сани были брошены на пути. Однако султан Кенисара в это время находился в 200 верстах от р. Тургая на р. Джиланчик. На Тургае оказались аулы дяди Кенисары султана Абдуллы Аблаева, которые Лебедев разгромил, убив около 50 казаков и захватив весь скот аулсв и пленив самого султана Абдуллу. Не будучи в состоянии следовать далее на р. Джиланчик, Лебедев вернулся на линию.

Вслед за отрядом Лебедева, возвращающимся на линию, стал приближаться и султан Кенисара. Его приверженцы начали мстить казак-киргизам, принимавшим участие в походе с отрядом войскового старшины Лебедева и вообще всем прилинейным киргизам, изъявившим покорность русскому правительству.

В последних числах апреля султан Кенисара разгромил до 300 кибиток Кипчакского рода, кочевавших в 90 верстах от линии.

Предводительствуя партией джигитов в числе до 1000 человек, Кенисара раз'езжал вдоль новой линии, вербуя для себя армию и призывая к общему восстанию против России.

6-го мая генерал Перовский издал приказ по Оренбургской линии, в котором предписывалось: „принять все меры предосторожности, не допускать людей из укреплений без оружия и по одиночке, беречь табуны лошадей и сопровождать под конвоем военные транспорты, двигающиеся вдоль линии. На все полевые работы выезжать вооруженными командами, на ночь огораживаться в поле телегами, а скот ставить внутри; днем же на видных местах ставить пикеты“.

В начале мая под предводительством султана Кенисары уже собралась значительная конная армия джигитов, до 4000 человек. 9 мая он разгромил снова аулы Кипчакского рода, кочующие против Устьуйской станицы. После этого Кенисара отошел на реку Атчи-Чили и организовал ряд набегов на казачьи станицы новой линии, угрожая громить их „до Покрова, до тех пор, пока русские не возвратят земель и захваченных в плен киргизов“.

К счастью для линейных станиц в мае м-це в тыл султана Кенисары повели наступление отряды Сибирской линии и он был вынужден перебросить свои силы за р. Тургай, чтоб защитить свои аулы от разгрома сибирских отрядов.

После этого султан Кенисара в продолжение всего лета оставался на р. Джиланчик, продолжая защищаться от войск Сибирской линии. Но несмотря на отсутствие султана, положение на новой линии оставалось крайне напряженным, так как его сторонники мелкими партиями продолжали нападать на русских жителей на протяжении всей пограничной линии.

16 апреля 2 киргиза напали на урядника Петропавловской станции и отняли у него двух лошадей.

16 мая два пеших киргиза пробрались в станцию Наследницкую обрезали поводья у казачьих лошадей и угнали их в степь, проскочив мимо часовых, не успевших их задержать.

8 июня партия казаков пыталась отбить конный табун у жителей Анненской станции. Вслед за ними была организована погоня, которая окончилась безрезультатно.

В то же время сподвижники Кенисары разбили аулы киргиз Алтын-Япасского рода. Вслед за нападавшими из Наследницкой станции был послан казачий отряд есаула Ханжина, который настиг хищников и отбил у них одну киргизку, 101 верблюда, 8 лошадей и 500 баранов.

В начале июня сотня казаков под командой сотника Степанова, высланная в степь из Николаевского укрепления, близ устья реки Большой Аят, наткнулась на партию вооруженных джигитов и рассеяла ее, взяв в плен 3-х человек.

15 июня партия казаков напала в степи на приказчиков купца Деева и отобрала у них товары на 40.000 руб. и оружие.

30 июня казаки напали на Маяк Нагорный близ Ключевской станции, но были отражены огнем.

13 сентября казаки угнали табун у жителей Анненской станции.

24 сентября 400 вооруженных казаков напали на 28 человек крестьян и 4-х конвойных казаков, выехавших в степь на рыболовство, убили из них трех человек и 5 взяли в плен.

20 сентября по линии был вновь отдан приказ, запрещающий жителям оставаться на ночлеге в поле; снова предписывалось принять меры к охране табунов и производить непрерывные разезды вдоль линии. В станицах на каждые 10 дворов было приказано на ночь иметь часового и четверть лошадей всегда иметь под седлом в полной готовности*).

В виду нападения сподвижников Кенисары на прилинейных казаков, приверженцев России, последним было объявлено, что в случае приближения хищников, они во всякое время могут перегонять свой скот на внутреннюю линию под защиту русских крепостей.

Рядом концентрированных ударов в военных отрядов со стороны Сибирской линии султан Кенисара был вытеснен с реки Джиланчик и откочевал на р. Сыр-Дарью, где подвергнулся предательскому нападению со стороны Коканского хана; после чего откочевал в Кара-кумы.

Летом 1840 г. султан Кенисара обратился к русскому правительству с выражением покорности и после длительной переписки между оренбургским военным губернатором Перовским и западно-сибирским генерал-губернатором князем Горчаковым, он получил высочайшее помилование. Между Кенисарой и русским правительством был произведен обмен пленными.

„Мир“, заключенный между оренбургским военным губернатором Перовским и султаном Кенисарой не внес существенных изменений во взаимоотношения казакской орды и русского населения. Правда, султан Кенисара прекратил свои организованные набеги на линию, но он не мог обуздать многочисленные шайки „хищников“, которые рыскали вдоль линии, высматривая себе добычу. В продолжение 1840—41 и 42 г. нападения казаков на линию продолжалось

*) Материалы по историко-статистич. опис. Оренб. казач. войска т. XI стр. 82.

и для местных жителей, отправляющихся в степь или из станицы в станицу не было никакой гарантии не попасть на аркан киргиза. Из многочисленных донесений начальников станиц и военных отрядов, а также из показаний очевидцев, видно, что казаки того времени были вооружены ружьями, отличались большою воинственностью и отвагой, и иногда выдерживали целые бои с русскими военными отрядами, хотя и предпочитали нападать на врага, который значительно уступал им в силах.

Так, например, 5 октября 1841 г. 50 казаков напали на 8 башкирцев и 3 казаков и окружили их в степи вблизи Николаевского укрепления. Перестрелка между ними продолжалась в течение 3-х часов, пока русские не расстреляли всех патрон, после чего были взяты в плен.

Весною 1843 г. султан Кенисара снова появился во главе крупных вооруженных сил на р. Тургае.

Для разведки о действиях султана Кенисары из крепости Орской в июне м-це был послан в степь отряд войскового старшины Лебедева, в числе 300 Оренбургских казаков. Навстречу русскому отряду выступил сам Кенисара во главе партии джигитов в 1500 человек и оттеснил Лебедева к границе.

Появление султана Кенисары с полутора-тысячной толпой джигитов чрезвычайно усилило активность его сторонников и по линии снова пробежала волна казакских набегов и грабежей.

В короткий срок силы Кенисары достигли до 3¹/₂ тыс. джигитов. Султан начал расправу со своими врагами и разгромил многие аулы мирных казаков, непримыкающих к его движению.

Борьба с Кенисарой разгорелась снова, Для уничтожения „скопища“ мягежного султана был сформирован большой отряд под командой полковника Бизянова. В состав этого отряда вошли 700 Уральских и 500 Оренбургских казаков. Отряд 8 августа выступил с линии двумя колоннами: одна из крепости Сахарной, с Уральской линии под командой самого полковника Бизянова, а другая из кр. Орской под командой полковника Дуниковского. Кроме того, в помощь Бизянову выступили все три султана правителя, имея каждый отряд из вооруженных казаков до 1000 человек. В степи все эти отряды должны были соединиться на р. Тургае и разгромить аулы Кенисары.

Новый поход против Кенисары закончился осенью 1843 г., также безрезультатно, как и предыдущие походы. Будучи прекрасно осведомлен о всех движениях русских отрядов, султан Кенисара искусными маневрами сумел избежать их удара. Отряд Бизянова достиг р. Тургая и, потеряв здесь следы Кенисары, был вынужден вернуться на линию. Между тем султан Кенисара откочевал в Каракумы, а затем удалился на р. Сыр-Дарью, а потом на р. Сары-Су.

С наступлением весны 1844 г. Кенисара снова появился в Тургайских степях.

Из крепости Орской против Кенисары был выслан отряд войскового старшины Лебедева в составе 400 человек Оренбургских казаков при 2-х орудиях. Отряд быстро достиг р. Тургая, где потерял следы султана Кенисары, и после некоторых скитаний в степи был вынужден вернуться на линию, разбив на пути попавшиеся ему аулы бия Табынского рода Байкадама, за что и был отдан под суд. Вместо Лебедева начальником отряда был назначен полковник Дуниковский, который снова выступил в степь для действия против султана Кенисары.

Султан Кенисара очень искусными маневрами выматывал силы отряда, увлекал его все далее в степь и, наконец, 20 июля, во время ночлега на р. Улькайяк, внезапно напал на авангард отряда, состоящий по преимуществу из ордынцев, и вырезал его почти весь, после чего бесследно исчез в степи.

В то время, когда отряд Дуниковского безрезультатно скитался в степи, разыскивая следы султана Кенисары, последний приблизился к линии и со всей своей массой обрушился на станицу Екатерининскую.

Нападение на станицу Екатерининскую султан Кенисара совершил на рассвете 14 августа. Об этом выдающемся событии в истории Оренбургской пограничной линии мы предоставим рассказать участнику борьбы с Кени арой атаману Екатерининской станицы уряднику Дмитрию Михайловичу Мясникову, который руководил оборонной станицы

„14 числа августа, как значится в показании Мясникова,— действительно, мятежный султан Кенисара, только что взойшло солнце, весьма в большом количестве хищных киргиз, так полагают человек более 2000, со всех четырех сторон неожиданным случаем напал на станицу Екатерининскую, окружил оную, успел зажечь Форштадт и разграбить из него все разное имущество, принадлежащее жителям станицы, захватили все скотские табуны.

„Не менее 4-х часов отражение из ружей при всемерном зашищении, при малом количестве бывшего в станице, не могли отстоять Форштадт той станицы. Едва только спасли себя через выстрелы пяти уже раз из орудия“.

„Каковые хищные киргизы хотя и старались под разными изворотами поджечь и последнюю станицу в самом укреплении, но от сего отражены. При каковом действии киргизы убили с нашей стороны урядника Степана Лукьянова, малолетка Дмитрия Обухова и жену Дарью Аверину. Первый только что выехав на полевую работу, а последняя взята из дома на улице и взят в плен из дому малолетний сын мой Дмитрий, имеющий 7 лет от роду. Прочие же захвачены в плен, едучи на полевые работы.

„Из их стороны побито довольно было, но они их увозили и так удалялись с добычею в степь. Команда хищников была под предводительством какого-то штаб-офицера, в полукафтани, шарфе и фуражке с козырьком

„С каковым нечаянным нападением, по случаю окружения всей станицы, в другие соседние станицы и даже кордонной страже известить было невозможно. При всем этом случае действовал из орудий служащий казак Мирон Токарев с помощью других.

„Между произведенной стрельбой с хищниками я решился идти в Форштадт, не смотря уже на большое превосходство хищников, для выручки семейств с урядником Яковом Сапожниковым, казаками Василием Проскоряковым, Константином Трапезниковым, Яковом Ярыгиным, Петром Семеновым, Флегонтом Клятовым, Василием Тронденым и малолетками Кириллом Мясниковым и Дмитрием Аверинным, где успели взять из дома среди хищников мать мою со снохою и с сыном ее 3-х летним, служащего казака Ивана Похомова и отставного Афанасия Васильева и доставили их в укрепление и тем спасли их от погибели. Хотя хищники и довольно имели наскок, но были отражены.

„При каковом нападении киргизов было на лицо в станице урядников и казаков 28 человек, а прочие были в командировке по

службе, в разных отлучках, показанных в ведомости литерами А Б В

„Утверждая во всей силе с добавлением таковых, что бывший в работниках у урядника Степана Лукьянова малолеток Гавриила Иванова также увлен в плен“ *).

Всего человеческих жертв при нападении султана Кенисары было убитыми: урядник, казак, малолеток и одна женщина; сторели казак, малолеток и женщина,—7 человек; ранено двое; взято в плен, казаков 15, малолетков—5, женщин и девиц— 8, а всего :8 человек.

После набега Кенисары в станице Екатерининской 95 казачьих семейств остались без крова и пищи, без живого и мертвого инвентаря. Во всей станице осталось на лицо всего 39 лошадей, 45 голов рогатого скота и 6 овец; погибли все хлебные запасы. Кенисарой было отогнато 132 лошади, 227 гол. рог. скота, 158 рабочих волов и 1680 овец и коз, всего на сумму 75 тыс. рублей.

Несмотря на свои подавляющие силы, Кенисара, имея 2000 человек против 28 защитников Екатерининского укрепления, все-таки взять его не мог, что можно объяснить только неумением казаков действовать против крепостей. Захватив в плен еще несколько человек казаков и башкир с соседних постов, он удалился в степь, где поделил доставшуюся добычу между участниками набега. С одной из останков в степи Кенисара отпустил на свободу пленного башкира Зайнутдинова, вручив ему письмо для передачи председателю Пограничной комиссии Генсу. Письмо Кенисары, написанное с соблюдением всех правил вежливости, принятых в официальной переписке знатных представителей орды с русскими властями, было следующего содержания:

„Господину генерал-майору и кавалеру Генсу.

„Я донести честь имею, вашему превосходительству, о моей нетерпеливости, что меня весьма крайне раззорили. 1844 г. января 1 числа по предписанию главного начальства прибыл (сибирского корпуса Закопчив, разбил аулы мои и побил людей моих множество, в плен захватил в том числе жену мою Кунам Джан Ханым; но я сего дня греда царю не чинил, но понудила меня необходимость—разбил станицу и захватил в плен 41 человека.

„Но покорнейше прошу, ваше превосходительство, не возможно ли будет **плен**, в том числе **жену** мою возвратить и я захваченный **плен** возвращу. Вашему превосходительству имею воздать. Печать султана Кенисары“ **).

Таким образом, добыв пленных, султан Кенисара предложил начальнику края произвести размен их на пленных киргиз, находящихся в России. И надо признаться, что расчеты султана Кенисары были совершенно правильны, так как осенью того же 1844 г. Оренбургский губернатор был вынужден согласиться на размен пленными, возвратив в степь родственников и жену султана, которые содержались в городе Тобольске.

Все пленные 15 казаков, 5 малолетков, 9 женщин и девиц, считая в том числе и одну девицу, родившуюся в плену, благополучно возвратились домой.

Но убытки, понесенные станицей, так и остались не вознагражденными. Войсковое правление нашло возможным выдать пособие только

*) Дело Оренб. Погран. Комиссии 1844 г. № 4301 л. 56

**) Материалы по историко-статистич. описанию Оренб. казачьего войска т. X стр. 386.

37 семействам, по 14 рублей 28¹/₂ коп. на каждого, всего на сумму 528 руб. 54¹/₂ коп., кроме того погорельцам был отпущен бесплатно на постройку домов и выдан заимообразно хлеб из общественных запасов.

Считая эту помощь недостаточной, военный губернатор вошел с ходатайством перед министром иностранных дел о выдаче казакам пособия из фонда пограничных сумм, образуемых из кибиточного сбора с киргиз. Министр и. д. передал переписку на рассмотрение военному министру. По делу возникла междуведомственная переписка, которая затянулась почти на 20 лет. 26 октября 1863 г. Управление иррегулярных войск уведомило губернатора, что за истечением срока правительство отклонило ходатайство казаков Екатерининской станицы, пострадавших от набега Кенисары, о выдаче им ссуды и самое дело производством было прекращено.

После набега на Екатерининскую станицу султан Кенисара откочевал в Каракумы.

Для преследования его 16-го августа с линии был двинут 5-й Оренбургский казачий полк под командой войскового старшины Ваулина, но настигнуть Кенисару не мог и, дойдя до р. Тобола, не встретив нигде „киргизских полчищ“, Ваулин возвратился на линию.

Между тем султан Кенисара продолжал грозить линейным станицам, говоря, что он „истребит и выжжет всю новую линию, без правдо построенную на земле киргизов“.

Охрана новой линии была значительно усилена. Жителям станиц было роздано 287 карабинов с патронами. На линии были сформированы особые подвижные резервы, расположенные в укреплениях Императорском и Наследника по 100 казаков, а в Константиновском—180 казаков.

Несмотря на то, что Кенисара удалился в «дальние степи» его приверженцы продолжали свои набеги на линию до самой зимы. 14-го сентября перед закатом солнца киргизы напали на табуны Елизаветинской станицы, пербили пастухов и отогнали 114 лошадей. По дороге они ограбили несколько казаков Анненской станицы. По всей линии продолжалось массовое похищение скота у линейных станиц и нападения на казаков, приверженцев России. В течение 2-х месяцев—август—сентябрь мы насчитали 20 крупных набегов приверженцев Кенисары на прилинейных казаков, у которых были отбиты многие тысячи скота. Охваченное паникой казакское прилинейное население бросалось беспорядочными толпами во внутренний район, вытаптывая своим скотом посевы русских станиц. Линейные станицы разрывались на все стороны, ведя борьбу с внешним и внутренним врагом. Кроме пограничных нарядов, Оренбургское войско несло и другие внешние наряды. Казачьи полки в этот год были командированы на Кавказский фронт, в Москву, в Нижний-Новгород и в Пермь для борьбы с бандитизмом, в силу чего, по недостатку бойцов, под ружьем стояло все население станиц, только с наступлением зимы набеги казаков прекратились.

Чтоб не дать восстанию султана Кенисары разгореться вновь, с открытием весны 1845 г., правительство заложило в степи 2 новых укрепления, по р. Тургаю и Иргизу и, поставив там свои гарнизоны, вытеснило султана Кенисару окончательно из Тургайских и Иргизских степей.

Весной 1845 г. Кенисара снова появился было на Тургае, но под давлением русских отрядов должен был очистить Тургайские степи и откочевал на р. Сыр-Дарью, где вступил в борьбу с Коканским

ханом. Борьба эта продолжалась 1845 и 46 г. Наконец султан Кенисара был вытеснен из коканских пределов и в 1847 г. удалился в горы Ала-Тау, где и погиб в борьбе с кара-киргизами. С застройкой степных укреплений Тургая и Иргиза Тургайские и Иргизские степи были окончательно замирены. Только после этого для новой линии наступил период мирного развития, хотя еще линейные станицы долго держались на стороже в виду соседства с непостоянной и изменчиво настроенной казакской ордой. В 1871 г. была снята кордонная стража с Оренбургской пограничной линии и область Оренбургских киргиз окончательно вошла в состав империи.
